

В. Л. КОМАРОВИЧ

Из наблюдений над Лаврентьевской летописью

1

Из четырех удельно-княжеских «гнезд» и связанных с ними «земель» или областей, на которые распалась Северо-Восточная Русь вскоре после 1237 г., видное место принадлежит земле Суздальско-Нижегородской. Свой собственный культурно-исторический отпечаток присущ был и ее расцвету, и ее быстро начавшемуся упадку.

Тверь и сама Москва от других земель той эпохи выгодно отличались своей культурно-исторической молодостью; Ростов начал дряхлеть задолго до татар; Рязань вообще не имела доли в владими́ро-суздальском культурном наследстве и с прямыми его наследниками сблизилась лишь как общница в разразившейся над ними беде. Напротив, Суздальско-Нижегородское княжество XIV в. возникает из-под пепла оставленных Батыем пожарищ на исконной территории Северо-Восточной Руси, между Клязьмой, Окой и Волгой, т. е. там, куда в 1237 г. пришелся самый сильный удар; тем трудней было тут что-нибудь восстанавливать; тем легче кое-как восстановленное было украсить, бросив на него отблеск прошлого. Москва росла и отстраивалась почти на девственной почве, не очень-то задумываясь о своем преемстве от Киева и Владимира до тех пор, пока это не стало для нее практически важно. Напротив, чрезмерность культурно-исторических претензий при ограниченности реальных для них возможностей отличает почти всех известных нам деятелей Суздальско-Нижегородской земли. Так, уже родоначальник суздальско-нижегородской княжеской ветви, брат Александра Невского — Андрей Ярославич осторожной ордынской политике брата предпочитает неосторожное бегство зачем-то за море, к немцам (в 1252 г.). С момента его возвращения отсюда (в 1256 г.) «в свою отчину» эта последняя впервые и выступает в наших летописях в характерном составе из трех городов с уездами: древнего Суздаля, Нижнего Новгорода и Городца-на-Волге. Но важно отметить, что уж и раньше ненадолго эти три города объединились в одних руках; в 1218 г., после примирения Константина и Юрия Всеволодовичей, младшему Юрию к выделенному первоначально почти что в порядке опалы Городцу-Волжскому придан был Суздаль; а Нижний Новгород два года спустя построил он сам. Эту вотчинно-территориальную единицу и видим снова 30—40 лет спустя в руках у вернувшегося «из немец» Андрея. Но только при внуках Андрея, Александре и Константине Васильевичах, Суздальско-Нижегородское княжество оформляется окончательно, в 1328 г. соперничая уже с Москвой в Орде; титул великого князя получает Иван Московский, зато стольный город великого княжения вместе с По-

волжьем на короткое время берет себе суздальский Александр. Преемник и брат Александра Константин Васильевич, вынужденный уступить Владимир Москве, переносит свою вотчинную столицу из Суздаля в более отдаленный от Москвы Нижний, ознаменовывая это важное событие постройкой там собора; колонизирует лесные окраины своего княжества, веля, по словам летописей, «русским людям селиться по Оке и по Волге и по Кудьме рекам»; роднится в противовес Москве с литовским великим князем Ольгердом и умирает, заслужив похвалу летописца за то, что «честно и грозно боронил отчину от сильнее себя князей», т. е. от все тех же московских Даниловичей, с которыми, как и брат, не раз «спирался» о Владимирском великом княжении, ища поддержки у желавших его в великие князья новгородцев. Оживление волжской торговли в первой половине XIV в. придало Нижнему Новгороду, новой столице Константина, характер крупного торгового порта с международным товарообменом, посредника между Ордой и Великим Новгородом, чем и объясняются прочные симпатии новгородцев к Константину и его потомству. Оно состояло из трех сыновей — Андрея, Дмитрия и Бориса, с деятельностью которых совпадает и полный расцвет, и окончательный упадок их общей вотчины. Продолжающееся соревнование с Москвой дважды увенчивалось для Дмитрия Константиновича кратковременным успехом, — ханский ярлык великое княжение закреплял за ним, — но дважды же Дмитрий Константинович был вынужден сам уступить Владимир своему более сильному сопернику. После смерти Дмитрия (в 1383 г.) в руках у его брата Бориса ослабленное междоусобицей Суздальско-Нижегородское княжество быстро клонится к окончательной утрате независимости в пользу необычайно теперь окрепшей (после победы на Куликовом поле) Москвы. В 1394 г. Борис был выдан изменившими ему боярами подступившей к Нижнему московской рати и кончил свои дни в заточении. В Нижнем и Городец были посажены московские наместники, и только древний Суздаль да возникшая к тому времени Шуя остаются в руках у потомства двух Константиновичей. Их сыновья и внуки продолжают, однако, еще долго оспаривать свою отнятую Москвой «дедину», не раз захватывая «изгоном» то Нижний, то Городец, договариваясь даже о своих вотчинных правах на Вятку с захватившим ненадолго московский престол Шемякой или организуя, наконец, в качестве уже служивых князей сопротивление Москве там, где оно было еще возможно — в искони к ним расположенном Новгороде и в Пскове. Но когда Москва к концу XV в. возобладала и там, суздальские «княжата» вступают в ряды московской служилой знати и под именем князей Горбатовых и Шуйских возглавляют в течение еще одного столетия боярскую оппозицию московской царской власти — ту «крамолу», с которой боролся Иван IV и которая выдвинула на престол Василия Шуйского. При такой устойчивости чисто областных первоначально претензий в политике Суздальско-Нижегородское княжество — в пору по крайней мере своего расцвета — не могло не проявить своей инициативы также в литературе.

С именем суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича, претендовавшего на великокняжеский владимирский престол, связан летописный свод, составленный для него в 1377 г. по поручению епископа Дионисия мнихом Лаврентием и являющийся древнейшим из всех сохранившихся и бесспорно датируемых списков русской летописи. Это последнее обстоятельство предредило надолго характер изучения памятника. Возникновением его в Суздальско-Нижегородской земле в XIV в. интересовались гораздо меньше, чем наличием в его составе сводов, возникших в Киеве в XII в. Столь отрывочны поэтому и противоречивы высказывания о Лаврентьевском своде в целом у академика Шахматова.

«В части до середины XIII века», — читаем у него в «Разысканиях»,¹ — «Лаврентьевская летопись представляется ростовским летописным сводом. . . Кроме ростовского свода, Лаврентьевская руководствовалась еще переяславскою летописью: отсюда ее близкое сходство с дошедшим до нас списком летописи Переяславля Суздальского, а также с Радзивилловскою летописью. Наконец, третьим источником Лаврентьевской летописи признаем общерусский летописный свод, доведенный до 1305 года:² из него сделано несколько заимствований в части до 1205 года; в части же от 1206 года до 1305 года к нему возводим все то, что не имеет явно ростовского характера». Такой дробный и, следовательно, сложный состав Лаврентьевской летописи у Шахматова так и остался без точного приурочения к литературной инициативе самого Лаврентия: «Эта летопись», читаем в «Обзрении», «составлена или только переписана с готового оригинала».³ Но первое допущение плохо мирится с прямым заявлением самого Лаврентия в послесловии о том, что он — лишь «книжный списатель», т. е. копиист, имевший в руках при списывании один определенный оригинал («книги ветшаны»), чтоб обращаться с ним не иначе, как только копируя его, что и выполнено в срок, по краткости своей (два с половиной месяца) ни к чему большому, казалось бы, не пригодный, по крайней мере — для составления компиляции из трех сводов.

Еще большие затруднения встречает первое допущение Шахматова, если учесть текстуальную близость Лаврентьевской и Троицкой. Сам Шахматов первый обнаружил в дублирующих Троицкую местах Симеоновской и в сохранившихся отрывках собственно Троицкой такой свод, который в части до 1305 г. мало чем отличался от Лаврентьевской. Но эту близость в своей специальной статье о Симеоновской и Троицкой Шахматов так и не разъяснил,⁴ а позже при случае ограничивался лишь предположениями, не во всем согласными между собой. «Троицкая (утраченная) летопись, — говорит он, например, в «Разысканиях» — основывалась сама на Лаврентьевской»; но тут же в скобках в виде нового допущения прибавляет: основывалась на «протографе Лаврентьевской».⁵ Третье допущение находим в статье 1915 г. из энциклопедического словаря, переизданной теперь в «Обзрении»: «В основании Троицкого списка положена Лаврентьевская, но текст последней исправлен (по другим суздальским сводам или, быть может, по владимирскому общерусскому своду)».⁶

Есть, однако, неопровержимые доказательства тому, что Лаврентьевская служить источником для Троицкой не могла.

Троицкую при всем сходстве с Лаврентьевской отличает ряд более исправных, чем в ней, или более подробных, но при всем том тождественных с ней по контексту известий, не допускающих, следовательно, для Троицкой ни прямого пользования Лаврентьевской, ни дополнительных к ней заимствований откуда бы то ни было со стороны, вне общего для обеих летописей контекста. Словом, из трех допущений Шахматова необходимо принять второе, наименее, кажется, приемлемое для него самого: источником Троицкой (в части, совпадающей с Лаврентьевской) мог быть

¹ А. А. Шахматов. 1) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 245—276 (далее: Шахматов. Разыскания); 2) Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 365 (далее: Шахматов. Обзорение).

² На котором обрывается и Лаврентьевская, имея затем лишь приписку 1377 г.

³ Шахматов. Обзорение, с. 9.

⁴ А. А. Шахматов. Симеоновская летопись XVI в. и Троицкая начала XV в. — ИОРЯС, т. V, 1900, кн. 2. Статья, как известно, не доведена до конца.

⁵ Шахматов. Разыскания, с. 247, прим. 2.

⁶ Шахматов. Обзорение, с. 366; ср. там же, с. 39.

только общий им обеим протограф. Но это сразу же и колеблет допущение Шахматова о составлении Лаврентьевской самим Лаврентием. Дело в том, что общими в Троицкой и Лаврентьевской являются многие известия ростовского происхождения, т. е. те, которые Шахматов относил за счет использованной якобы самим Лаврентием ростовской летописи. Но раз в Троицкую они попали не из Лаврентьевской, бесспорным становится наличие этих отрывков ростовской летописи уже в общем протографе Троицкой и Лаврентьевской, и гипотеза о самостоятельном пользовании Лаврентия ростовской летописью отпадает сама собой. Сильно ограничивая литературную инициативу Лаврентия, такой вывод меняет вместе с тем и наше представление о своде 1305 г.: раз признав в нем общий протограф Троицкой и Лаврентьевской с входившими уже в него, в качестве первоосновы, заимствованиями из ростовской — областной и княжеской по своему характеру — летописи, нельзя уже больше признавать в нем труд того или иного митрополита, митрополита Петра в особенности. С вескими в этом смысле возражениями Шахматова выступил в свое время М. Д. Приселков. Отметив, что предельный в этом своде год не есть год смерти митрополита Максима (умершего годом или двумя позже), названный исследователь своду 1305 г. дает следующую характеристику: «Он общерусский не в смысле митрополии всея Руси, а в том общерусском смысле, который жил со времен Андрея Боголюбского в представлении деятелей и носителей великокняжеского владимирского сана, реально охватывая старый Ростово-Суздальский край и Великий Новгород, а теоретически — золотой киевский стол. Иною речью, пред нами летопись великокняжеская владимирская, заботливо отмечающая прежде всего смены на владимирском столе. Можно думать, что летопись эта оканчивалась 1305 годом потому, что в этот год скончался великий князь Андрей, и только дефектностью протографа Лаврентьевской летописи надо объяснять отсутствие этого известия в ней (оно читается в Троицкой летописи)».⁷ Таким образом, гипотезу Шахматова—Приселкова о митрополичьем своде начала XIV в. можно, видимо, раз навсегда оставить. Но к чему при такой постановке вопроса сведется литературная инициатива Лаврентия? По мнению Приселкова, Лаврентий «в основу работы (в 1377 г.) клал просто воспроизведение дурно сохранившегося древнего свода начала XIV века».⁸ Ту же мысль Приселков повторяет в своей новой работе о Лаврентьевской летописи, во многом отличающейся от прежних, но только не в оценке размеров литературной инициативы Лаврентия. Эта оценка остается прежней: «... копия, снятая Лаврентием... с копии... великокняжеского свода 1305 г., — черновик, лишенный какого-либо политического значения для своего и последующего времени».⁹ Лаврентию приписывается по-прежнему только роль переписчика, не больше. Другая крайность, столь же мало сама по себе вероятная, как и противоположная ей у Шахматова. В самом деле, можно ли допустить, чтоб этот «Лаврентий-мних», автор единственного в своем роде летописного послесловия, на всем остальном протяжении своего немалого труда ограничился бы только механическим списыванием? Это невероятно. И как бы спешен ни был выполнявшийся им заказ, как бы авторитетен ни был в его

⁷ М. Д. П р и с е л к о в. Летописание XIV века. — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пгр., 1922, с. 37.

⁸ Там же, с. 29. Ср. также его статью «Летописец 1305 года» (Века. Исторический сборник. Т. I. Пгр., 1924).

⁹ М. Д. П р и с е л к о в. Лаврентьевская летопись (история текста). — Ученые записки ЛГУ, № 32, серия исторических наук, вып. 2, 1939, с. 142 (далее: Приселков Лаврентьевская летопись).

глазах переписывавшийся им памятник, — для авторских или редакторских тут и там вставок у такого литератора, как Лаврентий, не могло не оказаться поводов и желания (а следовательно, и времени). К тому же о чем-то подобном говорит сам он, извиняясь в заключение перед «отцами и братией» в тройкого рода погрешностях: «. . .оже ся где буду описал или переписал или не дописал», и несомненно вкладывая в эту оговорку вполне реальный смысл, что видно из его ссылки тут же, себе в оправдание, на «книгы ветшены»: описок и недописанных фраз, свидетельствующих в самом деле о плохой сохранности переписанного Лаврентием подлинника, в его рукописи немало. А раз так, надо признать вероятной и третью разновидность вменяемых себе в вину Лаврентием отступлений от подлинника: «. . .оже. . . где буду. . . переписал», т. е. написал лишнее. Итак, в распространительных приписках к протографу, как равно в сокращении или даже пропуске отдельных его известий, авторство Лаврентия выразиться во всяком случае могло.

Выразилось ли, однако, оно, и если выразилось, то где именно?

2

Добытые исследованиями Шахматова и Приселкова бесспорные выводы сводятся, как можно видеть, к признанию переписанного Лаврентием памятника за тождественный с протографом Троицкой великокняжеский летописец 1305 г., между Лаврентьевским списком которого и тем, что Лаврентий списывал (т. е. этим самым сводом 1305 г.), никаких промежуточных этапов летописания не было. А следовательно, все то в списке Лаврентия, что по каким бы то ни было соображениям возвести к своду 1305 г. оказалось бы невозможно, надо без колебаний приписать ему самому; таков критерий предстоящего нам отбора. Материалом же, кроме Лаврентьевской, при поисках приписок ее «писателя», должна естественно служить Троицкая.

Наши, однако, сведения об этой сгоревшей летописи, утрату которой русская наука никогда не перестанет оплакивать, все еще не приведены в окончательную систему, несмотря на ценные указания, как это сделать, у Шахматова и Приселкова. Задача состоит в том, чтоб извлечь из «Истории государства Российского» Карамзина все, без исключения, отрывки Троицкой, не ограничиваясь только ссылками и цитатами, в которых Троицкая как источник названа прямо,¹ но дополнив их «анонимными» оттуда цитатами Карамзина, а также косвенными указаниями в цитатах из других летописей на наличие или отсутствие также и в Троицкой соответствующих чтений. Но чтобы сделать это, предварительно надо усвоить карамзинский метод цитирования, что возможно при помощи отрывка Троицкой в не доведенном до конца издании Чеботарева и Черепанова 1804—1810 гг. Десять уцелевших листов этого не вышедшего в свет издания содержат летописный текст Троицкой до 907 г. включительно. Цитаты же отсюда в примечаниях к т. I Карамзина простираются от 89-го примечания по 312-е. Сличение уцелевшего текста с примечаниями и выяснило, что у Карамзина на 12 явных цитат из Троицкой ровно столько же приходится цитат из нее «анонимных», вводимых посредством неопределенного указания — «летопись», «летописец», «Нестор» или просто — «далее», и что, следовательно, такой же примерно процент нераскрытых цитат из утраченной части Троицкой надо предполагать

¹ Эти прямые оттуда заимствования Карамзина давно известны и полностью переизданы в подстрочных примечаниях к Симеоновской в т. XVIII «Полного собрания русских летописей».

в дальнейших примечаниях Карамзина; в-третьих, наконец, раз так широко был использован Карамзиным именно этот источник, — отсутствие на него ссылок там, где все цитаты для той или иной группы известий имеют ссылки, надо расценивать как признак того, что соответствующего известия в Троицкой вообще не было. Бесспорным, в частности, надо признать такой вывод для тех случаев, когда в пределах до 1400 г. Карамзин цитирует одну только «Пушкинскую» (как он обозначал Лаврентьевскую), а не обе «харатейные» (как он обозначал Лаврентьевскую и Троицкую вместе). Вопрос же о том, чего в Троицкой не было, не менее важен для нашей цели, чем вопрос о том, что в ней было.

Это относится в первую очередь к содержавшимся в Троицкой известиям о татарском нашествии 1237 г., пределами которых можно ограничить сличение.

Рассказ Лаврентьевской под 1237—1239 гг., начинаясь с описания рязанских событий, касаясь Коломны и Москвы, живо и подробно рисует затем осаду и взятие Владимира, упоминая попутно о взятии Суздаля; ведет затем нас на Сить, где стали станом Юрий Всеволодович и Василько Ростовский и куда приносит Юрию весть о гибели Владимира, которого он оплакивает; кратко говорится затем о победе татар и убиении Юрия; с подробностями ростовского происхождения изображается далее кончина Василька; говорится о погребении Юрия, и все заканчивается его похвалой. Компильтивный характер рассказа не подлежит сомнению и обнаруживается из целого ряда повторов («Тое же зимы» — четыре раза, «И поидоша» — три раза) и ремарок редактора, вроде: «На предреченная въздем», — обычных в русской летописи признаков сочетания в данном известии двух или больше источников. Есть и другие тому же признаки. «Герои этого рассказа, — по наблюдению проф. М. Д. Приселкова, — умирают на глазах читателя по два раза, и это на пространстве нескольких строк».² Весь рассказ, по мнению Приселкова, «слит из двух источников», и слит задолго не только до работы Лаврентия, но и до составления свода 1305 г., — под пером составителя ростовского свода, возникшего около 1239 г. (на котором, по мнению Приселкова, этот свод заканчивался) и дополнявшего свои ростовские известия известиями владимирскими из так называемого Юрьева свода, тоже XIII в., след которого сохранился, действительно, в разных списках под 1228 г.; вот продолжение этого свода Юрия Всеволодовича, доведенное якобы до года его смерти, Приселков и предлагает считать вторым источником рассказа Лаврентьевской о Батыевой рати. «Сливая в одно два повествования о походе Батя, — говорит Приселков, — ростовский сводчик в основу положил ростовское повествование, делая из владимирского лишь вставки», самой крупной из которых Приселков считает заключительную похвалу Юрию. По его словам, сводчик 1239 г. воспользовался «некрологом Юрия, конечно, читавшимся во владимирском своде под 1237 г., после рассказа о гибели Юрия на р. Сити, перенеся этот некролог в 1239 г., где было описание перевезения тела Юрия во Владимир».³ Но как бы ни относиться к вопросу о Юрьевом своде в целом, доведение его до рассказа о Батыевой рати следует со всей решительностью отвергнуть. Возникший и пополнявшийся погодными записями несомненно во Владимире, как мог этот свод пресечься не до, а после рассказа о той катастрофе, которая сама пресекла владимирское летописание вообще, по наблюдениям того же Приселкова,⁴ по крайней мере на три десятилетия. Второй источник рассказа

² Приселков. Лаврентьевская летопись, с. 124.

³ Там же, с. 123.

⁴ Там же, с. 134—135.

Лаврентьевской о Батыевой рати требует, таким образом, какого-то другого истолкования. Да и вообще только двумя источниками весь этот рассказ исчерпываться не может, что с отчетливостью видно из тех переходных фраз, — от одного источника к другому, — которые указаны выше: их на весь рассказ под 6745 (1207) г. в Лаврентьевской приходится всего счетом три; но только одна с уверенностью может быть отнесена к эпохе, близкой описываемым событиям: «. . . такого зла, — говорится в ней, — не было ни от крещения, яко же бысть ныне. Но то оставим». Две другие, напротив, на хронологическую близость летописца к описываемым событиям никаких указаний не дают. И, следовательно, если одна из тех трех переходных фраз действительно указывает на истонное наличие в рассказе главных двух источников: ростовского и какого-то другого, то две другие подобные же фразы могут указывать и на какой-то третий. В поисках за этими источниками Лаврентьевской и следует обратиться к Троицкой.

Но ответить на вопрос, что читалось в Троицкой о Батыевой рати, не так-то просто. Симеоновская, как раз в интересующих нас пределах, передает, к сожалению, не Троицкую, а другой свой источник, из числа трех указанных для нее Шахматовым.⁵ Немного на этот раз дает и Карамзин. Обещая следовать при изложении событий 1237 г. «достовернейшим известиям летописей современных», он в прим. 357 (т. III) разъясняет: «Летописи современные суть: Новгородская, Волынская, Суздальская, или Пушкинская».⁶ Троицкая почему-то даже не упомянута. Нет на нее указаний и в соответствующих цитатах, за единственным исключением (в прим. 363), где можно, однако, заподозрить не невозможную у Карамзина неточность (см. ниже). Но при отсутствии прямых указаний особенно ценно одно бесспорное, косвенное. Судя по характеру цитации в прим. 1 к т. IV, то послесловие в рассказе Лаврентьевской, которому Приселков дал название «некролога», в Троицкой не читалось: свою из него цитату Карамзин сопроводил ссылкой, но на одну только Пушкинскую.⁷ Что же, однако, в Троицкой о Батыевой рати читалось? За ответом надо обратиться к тому Московскому своду, который представлен Воскресенской и в основе которого за интересующий нас период лежит, как установил Шахматов, кроме свода 1448 г., также и Троицкая. «Начиная с 6743 (1235) г. в распоряжении составителя Московского свода оказываются, — говорит Шахматов, — как будто только два источника — Новгородский свод 1448 г. и Троицкая летопись. К последней возводим все то, что не может быть выведено из основного источника — свода 1448 г.»⁸ Под эти признаки прямо и подходит рассказ о Батыевой рати, читающийся в Воскресенской под дважды выписанным (т. е. дублированным) 6746 (1238) годом. Следование тут двум источникам не подлежит, таким образом, никакому сомнению; бесспорен также второй источник, под вторично выписанным 1238 годом; тут со слов: «Князь великий Юрьи посла Дорожа в просоки» и до слов: «Батый же взем Козельск и поиде в землю Половецку» — текст почти сплошь дословно совпадает с Софийской I и Новгородской IV, как раз отражающими, как известно, свод 1448 г. Предыдущий рассказ, под первым из дублированных обозначений года, есть, следовательно, все

⁵ ИОРЯС, т. V, кн. 2.

⁶ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. III. СПб., 1892, с. 176.

⁷ Чему, помимо Пушкинской (Лаврентьевской) летописи, вполне соответствует уникальный характер этого отрывка сравнительно с остальными доступными списками летописей: кроме Симеоновской, заимствующей этот отрывок, вернее всего, из той же Лаврентьевской, его нет ни в одном другом списке.

⁸ Шахматов. Обзорение, с. 272; ср. там же, с. 281.

основания признать за текст Троицкой.⁹ И сравнивая его с соответствующим текстом Лаврентьевской, сразу видим, при большом в общем сходстве, ряд таких отличий, благодаря которым тексту Троицкой (=Воскресенской) надо отдать бесспорное преимущество в смысле исправности и старшинства.

Очень краткому рассказу Лаврентьевской о разорении Рязани в Троицкой (=Воскресенской) соответствует рассказ со всеми известными из других летописей подробностями (о татарском стане на Онухле, о посылке во главе с «женой чародейцей», о требовании десятины и отказе рязанцев, об окружении Рязани 16 декабря и взятии 21-го); причем краткая версия Лаврентьевской в одном месте явно дефектна именно из-за краткости, т. е. возникла, значит, в результате сокращения:

Воскресенская (=Троицкая)

Лаврентьевская

... а князя их Юрья убиша, и княгиню ... и князя их убиша, их же емши, его, а мужей емше ... , овых рассекоша. овы расстинахуть.

В Лаврентьевской непонятно, о ком идет речь в словах «их же»; и только параллельный текст Воскресенской (=Троицкой) разъясняет недоумение. В дальнейшем рассказе о бое под Коломной, кроме такого же сокращения рязанских известий (исчезает Роман Ингварович), Лаврентьевская за их счет подчеркивает роль Всеволода Юрьевича Владимирского («Тое же зимы поиде Всеволод, сын Юрьев, внук Всеволож» вм. более простого сообщения в Воскресенской: «Князь же великий Юрьи посла противу им сына своего Всеволода»). Наконец, свободен от погрешностей, отмеченных в Лаврентьевской Приселковым, и весь рассказ Воскресенской о взятии Владимира. В эпизоде с показом пленного княжича в Лаврентьевской пропущено самое главное — слова, читающиеся, однако, в Воскресенской: «. . . и показаша имь Володимера»; в описании самого взятия в Лаврентьевской недостает рассказа о постригах князей утром в воскресенье перед окончательным приступом; при описании гибели от огня всех, кто затворился во Владимирском Успенском соборе, Лаврентьевская, с отмеченным уже (у Приселкова) ущербом для смысла, оставляет без разъяснения, как именно они погибли, хотя слова: «. . . и тако огнем без милости запалены быша» — предполагают какое-то разъяснение; его опять-таки дает только Воскресенская (Троицкая), указывая, что затворившиеся в церкви разместились «в полатях», т. е. на хорах, а татары «силою выломиша двери церковные и наволочиша леса в церковь и запалиша огнем, издохаша от великого зноя вся», т. е. задохнулись на хорах от разведенного посреди храма костра; Лаврентьевская, напротив, внушает скорее мысль о сожжении укрывшихся вместе с самым зданием, что исторически неверно: Владимирский Успенский собор, в том виде, как отстроил его за 50 лет до Батыею Всеволод Большое Гнездо, дожил до наших дней.¹⁰

Первый из двух источников Воскресенской под 6746 г. доведен только до этого эпизода о разорении Владимира; об участии же князей Юрия и Василька на берегах Сити рассказ едва начат, а затем сразу же прерван и передан указанному выше второму источнику (своду 1448 г.). Что могло в Троицкой читаться дальше, установить можно, следовательно, только

⁹ Подтверждением может служить также самая дата, с разницей в один год по сравнению с датой Лаврентьевской: опережала на год Лаврентьевскую в сходных с ней известиях XII—XIII вв. как раз Троицкая.

¹⁰ А. И. Некрасов. Очерки по истории древнерусского зодчества XI—XVII вв. М., 1936, с. 116.

через самый этот второй источник, т. е. свод 1448 г., восходящий, в свою очередь, через полихрон 1423 г. к той же Троицкой. Отражающий его общий текст Воскресенской, Софийской I и Новгородской IV надо, следовательно, очистить от дополнительной выверки по Лаврентьевской, которую, как оказалось, произвел над данным местом составитель свода 1448 г. (или полихрона), после чего и второй источник Воскресенской обнаружит перед нами текст Троицкой.¹¹

Сравнивая этот общий всем трем летописям текст с Лаврентьевской, мы опять-таки наталкиваемся на ряд таких в нем отличий, которые убеждают в его старшинстве. В Лаврентьевской не отыскивается следующих общих Софийской I, Новгородской IV и отчасти Воскресенской подробностей: слов: «всед на конь» и «отложив всю печаль и поиде к ним» (Софийская и Воскресенская) — о кн. Юрии перед Ситской битвой; слов «ни брашна, ни пития их не прия» — о Васильке в плену у татар; слов самого Василька — «се бо ми наведе бог грех моих ради»; слов «И бе бо лицо его уныло от многого томления от поганых. И весь разлившеса слезами, поминая прежде сътворенные грехи», со следующей далее (в Софийской и Новгородской) первой (из трех) молитвой Василька;¹² имени Васильковой княгини — Мария, читающегося во второй молитве в Софийской I и несколько позже в Новгородской IV; слова «желем» («моя память желем погыбает») в третьей молитве (Софийская I и Новгородская IV), измененного в Лаврентьевской на неуместное в этом отголоске народного причитания «железом»; слов «не бе же слышати пения в плачи мнозе» — при описании похорон Василька; слов «и видяще се, възлюбленнии, суету жития человека, иже вчера славою урашен, гордяся о боярах, а ныне персть и прах» — о том же Васильке (Софийская I, Новгородская IV); наконец, слова «вазнив» («на ловех вазнив») — в «похвале» все тому же Васильку (Софийская I, Новгородская IV). Добавим характерное композиционное отличие: дата «месяца марта 4», заканчивающая во всех трех летописях рассказ о убиении Василька, в Лаврентьевской читается выше и относится к смерти Юрия; при этом отсутствует подробность, читающаяся в Софийской и Воскресенской: «. . . в четверток 4 недели поста». В мартовском 6746 г. 4 марта на самом деле падало на четверг. В тексте, восходящем к полихрону, имеем, таким образом, или фактические уточнения к тексту Лаврентьевской (имя княгини, дата), или восстановление явных в Лаврентьевской пропусков (первая молитва Василька, слово «вазнив»), или,

¹¹ Выверка в своде 1448 г. (или в полихроне) всего рассказа о Батыевой рати, вообще весьма там близкого к Воскресенской (Троицкой), по Лаврентьевской видна из следующих примеров. Рассказ о взятии татарами Коломны начат в полихроне (Софийская I и Новгородская IV), чего нет в Воскресенской (Троицкой); при взятии татарами Суздалья указано, как в Лаврентьевской, что сожжены «двор князь» и монастырь св. Дмитрия (Софийская I, Московско-Академический список Суздальской летописи), чего тоже нет в Воскресенской (Троицкой); внутренняя цитадель во Владимире, куда укрылись князья, названа не «средним городом», как в Воскресенской (Троицкой), а в согласии с Лаврентьевской, «Печерним» (Софийская I, Новгородская IV); наконец, эпизод о походе татарами владимирцам взятого ими в плен княжича построен был в полихроне (или в своде 1448 г.) на вовсе никак не согласованном пересказе обоих источников: Троицкой (= Воскресенской) в качестве основного и Лаврентьевской в качестве дополнительного; из первого полихрон взял слова (читающиеся сейчас в Воскресенской): «Воевода же Петр», а из второго присоединил к ним «и рюста оба князя»; получившаяся в результате нелепость: «Воевода же Петр Ослягин и рюста оба князя» (Софийская I, Московско-Академический список Суздальской летописи), перед следующей затем речью, которая в Воскресенской (Троицкой) приписана воеводе Петру, а в Лаврентьевской — двум князьям, не оставляет уже сомнения в указанной выверке, следы которой в тексте полихрона (Софийская I и Новгородская IV) видны и дальше.

¹² В Воскресенской две первых молитвы пропущены.

наконец, уточнения стилистические («желем» вм. «железом»). Ввиду всего этого считаем доказанным заимствование в полихроне текста, хоть и весьма близкого к Лаврентьевской, но не тождественного ей и, что главное, более первоначального. Преемственность же полихрона от ближайшего предшественного Московского свода, каковым и была Троицкая, заставляет рассматриваемый текст отнести именно за ее счет. Но в самой Троицкой отличия от Лаврентьевской тем, что перечислено выше, не ограничивались. Выверка ее текста при внесении в полихрон (или в свод 1448 г.), по Лаврентьевской имела несомненно место и в данных пределах. В этом убеждает «похвала» Васильку Ростовскому. Она совмещает в себе в каждой из трех летописей (как и в Лаврентьевской) два одновременных и различного (ростовского) происхождения: в князе восхваляется внешность («лицом красен и очима светел»), воинская и охотничья доблесть, «ласка», наконец, «до бояр и слуг», евпих «его хлеб» и «чашу его» пивших. Это несомненно ростовский и, следовательно, древнейший слой в летописной «похвале» ростовскому князю. Другой слой — совершенно иного стиля. Вместо воинской доблести и «ласки к боярам» восхваляется нищелюбие князя, его любовь к церковному чину и даже прямо к церковникам. Самая его смерть приравнена «смерти Андрееви», т. е. Андрея Боголюбского, совсем, конечно, не популярного как раз среди ростовских бояр. Разновременность и социальная разнохарактерность второй «похвалы» и первой не подлежат сомнению, если, тем более, учесть место той и другой в сходных вообще текстах Софийской I, Воскресенской, с одной стороны, и Новгородской IV — с другой. В Новгородской вслед за последней, общей всем трем летописям, фразой («. . . оставше такового утешения») находим только несколько слов о похоронах Василька («. . . не бе же слышати пения в плачи мнозе») и затем первую (светскую) «похвалу». Напротив, в Софийской I и Воскресенской эта древнейшая (ростовская) версия перебита вставкой: перед фразой «. . . не бе же слышати пение во мнозе плачи» они помещают другое, гораздо более странное описание тех же похорон и перед светской «похвалой» Васильку — вторую (церковную). Было бы не до конца ясно, с чем мы имеем тут дело: с вставкой ли в Софийскую и Воскресенскую или с сокращением в Новгородской, если бы вторая (церковная) «похвала» в этой последней отсутствовала начисто. В том-то, однако, и дело, что она отыскивается и в Новгородской IV, но только не в середине летописной статьи (как в Софийской и Воскресенской), а в конце. Основной текст, взятый из своего протографа (полихрона, или свода 1448 г.), составители Софийской I и Новгородской IV дополняли, вернее всего, сделанными уже в нем приписками на полях; но дополняли независимо друг от друга, и поэтому одни и те же приписки встали тут и там на разное место. Источником же этих приписок была Лаврентьевская: церковная «похвала» Васильку взята несомненно отсюда.¹³ При восстановлении текста Троицкой эту вторую «похвалу» Васильку надо, следовательно, устранить.

Точно так же необходимо устранить ряд аналогичных подробностей о кн. Юрии. Таков, прежде всего, промежуточный отрывок между первым рассказом под 6746 г. и вторым рассказом под тем же годом в Воскресенской (нач.: «Прииде же весть к великому князю Юрью, яко Владимир взят»). Он несомненно присоединен к первому рассказу из другого, чем сам этот рассказ, источника Воскресенской, т. е. не из Троицкой, а из свода 1448 г.: за это говорит полное с ним совпадение соответствующего

¹³ Пропуск слова «прилежа» (в фразе «. . . паче же и на милостыню прилежа») есть не только в Лаврентьевской, но и во всех списках Софийской I.

места в Софийской I. Но в свод 1448 г. (или в его протограф) этот отрывок попал, в свою очередь, не из основного источника полихрона, каким была все та же Троицкая, а из сверявшейся с ней Лаврентьевской. Весь отрывок «Прииде же весть к великому князю Юрию», кончая молитвой Юрия, читается и в Лаврентьевской. В Троицкой же после общего с Лаврентьевской, Софийской I и Новгородской IV указания на количество разоренных городов, сел и погостов — «в един месяц февраль кончевающуся лету 45» — рассказ прямо переходил, очевидно, к извещению князя Юрия Дорожем (нач.: «Князь . . . посла Дорожа в просоки в 3-х тысячах муж, и прибеже Дорож, и рече»). Легко заметить, что оба отмеченные отрывка: «Прииде же весть» и «Князь. . . Юри посла Дорожа в просоки» варьируют одну и ту же тему — извещение князя о случившемся, — и по одному уж этому могут восходить только к двум разным источникам полихрона (или свода 1448 г.): первый отрывок, как сказано, засвидетельствован Лаврентьевской; второй, напротив (с Дорожем), в Лаврентьевской отсутствует, как отсутствует там и сопутствующая ему деталь светской воинской повести: «всед на конь», «отложив всю печаль» (о чем см. выше). Версию с Дорожем не только, следовательно, дублирует версия Лаврентьевской (с молитвой и плачем Юрия), но и явно переосмысляет ее идеологически, — точь-в-точь, как вторая похвала Васильку — церковная переосмыслила первую — светскую. В обоих случаях церковная версия из Троицкой одинаково должна быть устранена.

Не принадлежат затем Троицкой, а восходят к побочным источникам полихрона читающиеся одинаково во всех трех сводах (Софийской I, Новгородской IV, Воскресенской) два рассказа: новгородский — о взятии татарами Торжка — и южнорусский — о взятии Козельска. Их нет и в Лаврентьевской. Не было, наконец, в Троицкой, как уже установлено на основании показаний Карамзина, заключительной «похвалы» Юрию. Ее нет и ни в одной из трех летописей, отражающих полихрон. Весь рассказ в целом, как он выглядел в Троицкой, рисуется в следующем виде.

Более подробный, чем в Лаврентьевской, пересказ рязанских событий и связанных с ними (а не с Юрием Владимирским) событий в Коломне сменялся, как в Лаврентьевской, описанием осады и взятия Владимира с указанными выше мелкими, но существенными от нее отличиями; после общего с Лаврентьевской указания на исход 6745 г. рассказ непосредственно переходил к отсутствующему в Лаврентьевской эпизоду с Дорожем — к выдержанной в тоне воинских повестей картине битвы на Сити, с кратким упоминанием о убиении Юрия и с подробным изображением кончины Василька; церковный элемент ограничивался тремя молитвами Василька с привнесениями в них стилия причитаний; «похвала» Васильку перечисляла затем его мирские достоинства; «похвалы» Юрию не было; рассказ заканчивался перечнем князей, во главе с Ярославом спасшихся от татар «молитвами святых Богородица». Первоначально этой восстановленной редакции рассказа о Батыевой рати в Троицкой сравнительно с близкой к ней, но более распространенной редакцией в Лаврентьевской не подлежит сомнению. А ввиду их близости, как и близости самих летописей в пределах до 1305 г. вообще, несомненно наличие одной из двух этих версий также в общем для обеих летописей протографе — в своде 1305 г. и его предшественниках; несомненно и то, что из двух версий там могла читаться лишь старшая, т. е., значит, версия Троицкой. А раз дело обстоит так, все распространения, сокращения или замены в Лаврентьевской сравнительно с тем, что читалось о Батыевой рати в Летописце 1305 г., могли быть сделаны только тем, кто этот Летописец в 1377 г. собственно-ручно переписывал, т. е. мнихом Лаврентием. Его авторский вклад в рассказ о Батыевой рати теперь может быть, следовательно, легко обнару-

жен. Но сперва несколько слов о самом рассказе в Летописце 1305 г. (Троицкой). Не подлежит сомнению создание его в свое время из двух источников: главным был тот самый рассказ ростовской летописи, на котором, по предположению Приселкова, оканчивался ростовский Ярослав свод 1239 г.; только этим и можно объяснить преобладание в восстановленной редакции Троицкой не Юрия, а Василька.

Другим источником был свод рязанский. . .

Занесение впервые в летопись рассказа о событиях 1237 г. именно в Рязани не обращало до сих пор на себя сколько-нибудь пристального внимания. В нем, однако, едва ли можно сомневаться: с Рязани начинают свой рассказ о нахождении Батя не только все пересмотренные сейчас своды Северо-Восточной Руси (Лаврентьевская, Троицкая, Полихрон 1423 г. Воскресенская, но и Новгородская I, и Волынская (Ипатьевская)). И нигде при этом не слышится более внятно, чем в рязанском эпизоде, голос непосредственного наблюдателя и даже участника изображенных событий. Приписать рассказ о Рязани в восстановленной редакции Троицкой, например, перу ростовского летописца нельзя еще и потому, что тот же самый рассказ, но уже в сочетании не с ростовским, а с новгородским продолжением, читается в Новгородской I. И ближайшее рассмотрение других общих с Троицкой рязанских известий в Новгородской I убеждает окончательно в принадлежности когда-то всех их вместе рязанской летописи.

Кроме совпадающего с Троицкой рязанского эпизода в начале статьи 1237 г., точь-в-точь такие же совпадения есть в двух других известиях Новгородской I, одно из которых — рязанское по событиям и лицам: рассказ под 1218 г. о рязанской усобице; другое должно быть признано рязанским по происхождению ввиду вхождения его в состав позднейшего цикла рязанских памятников: рассказ под 1224 г. о Калкской битве, с которым стоят, как известно, в нерасторжимой связи рязанские сказания о Николе Зарасском и Евпатии Коловрате. Внесение указанных рассказов (под 1218 и 1224 гг.) в Новгородскую I и в протограф Троицкой неотделимо, следовательно, от внесения туда же рязанского эпизода под 1237 г., ввиду, во-первых, ограниченности рязанских известий в обеих летописях вообще, особенно за первую половину XIII в., и ввиду, во-вторых, поразительной симметрии всех трех рязанских эпизодов в каждой из них. Тождественный в Новгородской I и в Троицкой—Симеоновской—Лаврентьевской рассказ под 1218 г. о рязанской усобице использован в Новгородской в качестве аналогии к новгородской смуте, а в Троицкой и сходных — в качестве аналогии к ростовско-суздальской усобице (Константина и Юрия Всеволодовичей); тождественный опять-таки (в начальной своей части) рассказ Новгородской I и Троицкой—Лаврентьевской — о битве на Калке — во второй своей половине (уцелевшей полностью лишь в Новгородской) сильно сокращен в Троицкой—Лаврентьевской и, подобно рассказу под 1218 г., подвергнут ростовской же доработке — о благополучном возвращении от Чернигова Василька: «... сохранен бысть богом и силою креста честного и молитвою отца своего Константина и стрья своего Юрья и вниде в свой Ростов»; точь-в-точь так же, наконец, в восстановленном рассказе Троицкой о Батыевой рати тождественный с Новгородской I вступительный рассказ о Рязани слит с ростовскими известиями опять о Васильке и его стрье Юрие, а в Новгородской он предваряет собой собственно новгородскую часть рассказа — об осаде Торжка. Замечательно, что других, столь же полных совпадений, как три указанные у Троицкой—Лаврентьевской с Новгородской отыскать больше нельзя; эти же три приходятся, кроме того, на более или менее совпадающие периоды летописания в Новгороде и летописания на Северо-Востоке.

В Новгороде это — период работы Тимофея-пономаря (между 1230 и 1262 гг.);¹⁴ на Северо-Востоке — это работа над тем из протографов Летописца 1305 г., который мог быть составлен в Ростове лишь при жизни Ярослава Всеволодовича, т. е. между 1239 и 1246 гг.¹⁵ Вывод из всего сказанного самоочевиден. Оба северных летописца — новгородец и ростовец — в 1239—1246 гг. уже располагали одним и тем же, самым ранним, летописным повествованием о Батые, входившим в состав рязанского летописного памятника, содержавшего, кроме того, рассказ об усобице 1218 г. и рассказ о Калкской битве; выдержки из этого рязанского памятника новгородец сблизил с новгородскими, а ростовец — с ростовскими известиями. Выдержки новгородца — более обширные, чем у ростовца, сохранили даже имя лица, по инициативе которого рязанский памятник мог возникнуть. С удивительным упорством рязанский источник Новгородской I акцентирует одно и то же имя рязанского князя, никак не замешанного в описываемых попутно событиях. Так, к перечню рязанских князей, съехавшихся в 1218 г. на снем в Исадах и перебитых созвавшим их Глебом Владимировичем, рассказ (не только в Новгородской, но и в Лаврентьевской—Симеоновской—Троицкой) присоединяет следующую оговорку: «Ингвар же не приспе приехати к ним: не бе бо приспело еще время его»; вся загадочная многозначительность оговорки, усугубляемая явной реминисценцией из главы второй Евангелия от Иоанна («...не су прииде час мой»), не разъясняется в рассказе никак. Тем красноречивей совершенно аналогичное упоминание того же имени в другом рязанском рассказе той же Новгородской под 1238 г. Погибший при взятии Рязани рязанский великий князь Юрий Игоревич назван тут не по отчеству, а «Гюрги, Ингваров брат», при полном опять умолчании о самом Ингваре, вообще не встречающемся больше в Новгородской I ни разу; необычно, кроме того, и самое наименование великого князя не по отцу, а по брату. Все это может объясняться только тем, что Ингвару действительно принадлежала крупная роль если не в описываемых событиях, то в самом их описании, т. е. что этот Ингвар был для рязанской летописи тем же, чем Святополк Изяславич для Несторовой или Владимир Мономах для Сильвестровской. Подтверждением служит эпизод позднейшей повести о приходе Батя на Рязань, где как раз Ингвару Игоревичу приписана роль восстановителя Рязанской земли после ее разгрома Батыем, чему вполне соответствовал бы и почин или возрождение местной летописи. Впрочем, вопрос об Ингваре наталкивается на ряд генеалогических затруднений, вызванных особой скудостью наших сведений о Рязани вообще¹⁶ и неизученностью рукописной традиции рязанских исторических повестей (о Николе Зарасском и Евпатии Коловрате) в частности. Об этих последних предстоит говорить особо. Пока же надо ограничиться выводом о появлении самой старшей летописной статьи про Батыеву рать в рязанском своде Ингвара в 30—40-х годах XIII в. Статья эта говорила не об одной только Рязани, а несомненно также — в особой версии — о взятии Владимира и об обороне гражданами Козельска. В Новгородской I под 1237 г., как и в статье под 1224 г., заимствование из рязанского источника простирается, видимо, дальше, чем у Ростовской. За счет такого более пространный заимствования относим в Новгородской I ту разницу сравнительно с ростовской обработкой рязанского источника, согласно которой в осажденном татарами Владимире оставлен Юрием только один сын, Всево-

¹⁴ Шахматов. Обзорение, с. 130, 131.

¹⁵ Приселков. Лаврентьевская летопись, с. 122—128.

¹⁶ А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства. Пгр., 1920 (ЛЗАК за 1917 год, вып. 13).

лод, вместо двух (Всеволода и Мстислава) в Воскресенской (Троицкой,) Софийской I, Новгородской IV, Лаврентьевской. Вот этот-то признак прямо и сближает новгородскую версию с особой версией из Волынской (Ипатьевской), где тоже в осажденном Владимире показан один только Всеволод, не убоившийся при этом «лести» Батыя, вышедший «из града» с дарами, зверски тем не менее зарезанный и, таким образом, погубивший своим малодушием не только себя, но и оставленный им на произвол судьбы город. Непосредственно следующий далее (в Ипатьевской) рассказ о стойком сопротивлении неподавшихся «словесам лестным» козлян, «яко ум крепкодушный имеют», в качестве несомненной антитезы предшествующему рассказу об обольщенном и перепуганном Всеволоде, мог возникнуть только в одном с ним своде, который и надо признать все тем же рязанским сводом Ингвара ввиду явно рязанского отпечатка на первом рассказе (о Всеволоде): осажденных владимирцев Батый спрашивает: «. . . где суть князи рязаньстии». След этого эпизода в Лаврентьевской можно видеть в той древнейшей из трех переходных фраз (со словом «ныне»), которая, очевидно, скрепила собой когда-то ростовскую часть рассказа с рязанской. Непосредственно перед ней действительно имеется аналогичный рязанскому эпизод о показе татарами пленного княжича двум его братьям. Под пером ростовца он занял, должно быть, место слишком уж беспощадного рассказа о чужом княжиче в своде рязанском.

Этот свод в целом имел одну разительную черту. Он был сплошной обвинительной речью патриота-народолюбца против прямых, как казалось ему, виновников бедствия: против русских князей. Именно прямой и очень резкой речью к обвиняемым отмечен каждый из сохранившихся эпизодов свода. «Что прия Каин от бога, убив Авеля, брата своего. . . , или ваш сродник, окаянный Святополк, избив братью свою?» — читаем, например, под 1218 г. Сказать о Святополке окаянном всем русским князьям в лицо — «ваш сродник» в XIII в. мог только человек в сильном гневе. Но то же самое видим и в повести о Калкской битве; она тоже оказывается своего рода политической инвективой: «. . . где въписахом о них (татарах, — *В. К.*) памяти ради русских князь и беды яже бысть от них им», — поясняет свои намерения автор повести, с большим мастерством обнаруживая затем в ней самой то «недоумение», т. е. неразумие, которое привело князей в 1224 г. к разгрому. Едва ли не из того же рязанского памятника еще одно, прямо уж лирическое обращение к русским князьям, читающееся в одних летописях (в Симеоновской) в виде послесловия к рязанскому известию 1270 г., а в других (в Новгородской IV) в виде такого же послесловия к событиям 1238 г.: «О возлюблении князи рустии! не прельщайтесь пустошною славою света сего, еже есть хуждыше паучины и яко стень мимо ходить; не принесосте бо на свет сей, ниже отнести можете. Да не обидите меньших сих сродник своих». ¹⁷ Такими призывами богато «Слово о полку Игореве», летопись же, вообще говоря, их не знает. В рязанском своде Ингвара лирический стиль таких обращений мог прямо восходить к песенно-дружинной традиции «Слова»: черниговщина, его родина, вмещала сравнительно долго и Рязань. Рязанцу Софонии принадлежала позже переделка «Слова» в Задонщину. Как бы то ни было, тем же лиризмом злободневного обличения отмечен и главный из сохранившихся эпизодов Ингваровой летописи — эпизод о взятии Батыем

¹⁷ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1. Пгр., 1915, с. 220; т. XVIII. СПб., 1913, с. 73. Ни в одном из сохранившихся приурочений нет повода для наставления не обижать «меньших сих сродник», что и дает право возводить всю тираду или к Ингварову своду в целом, как послесловие, или к какому-нибудь его несохранившемуся эпизоду.

Рязани. При этом вся сила обличения обрушивается тут на голову несчастного Юрия Всеволодовича Владимирского. Прямым виновником народного бедствия в рязанской летописи представлен был он. Отказ его рязанским князьям в помощи рязанский летописец сопроводил обычной своей репликой в гневном тоне библейских пророчеств: «Юрьи же сам не поиде, ни послуша князей рязанских мольбы, но сам хоте особо брань створити. Но уже бяше божию гневу не противитися, яко речено бысть древле Иисусу Наугину богом: огда веде я на землю обетованную, тогда рече: аз пошлю на ня преже вас недоумение, и грозу, и страх, и трепет. Тако же и преже сих отъя господь у нас силу, а недоумение, и грозу, и страх, и трепет вложи в нас за грехы наша». При дословном местами сходстве с обличением княжеского «недоумения» в повести о Калкской битве эта тирада отличается от той совершенно конкретным адресованием: «преже сих», т. е. до появления самих татар, путь им уготовлен был Юрием Всеволодовичем, — давними княжескими усобицами, воплотившимися в последнюю минуту перед нашествием в небратолюбную оболоченность этого князя. И что такое обличение владимирского великого князя было у рязанского летописца руководящей темой, подтверждается принадлежностью ему столь же осудительного изображения сына Юрия, Всеволода, по контрасту с «крепкодушием» собравшихся без князя на вече козлян. Приведенная тирада сохранилась не только в Новгородской I,¹⁸ но и в Воскресенской (Троицкой), в Софийской I и Новгородской IV; т. е., значит, читалась бесспорно и в Летописце 1305 г.

С пропуска этой тирады свой труд над текстом протографа мних Лаврентий и начал.

В Лаврентьевской весь рязанский эпизод, как сказано, сокращен, но при этом так, что ни переговоры рязанцев с Юрием Всеволодовичем, ни его отказ им в помощи даже не упомянуты; нет и вызванной всем этим грозной тирады. Нет, кроме того, упоминания о татарских послых к Юрию во Владимир; они тоже входят, как необходимая подробность, в рязанский эпизод в Новгородской I, Воскресенской (Троицкой), Софийской I и Новгородской IV: «И оттоле пустиша (рязанские князья, — *В. К.*) их (послов, — *В. К.*) к Юрию во Володимерь. . . , а из Володимеря пустиша их от Нухле в татары в Воронежъ». Эта подробность не могла, следовательно, не быть и в протографе Лаврентьевской; отбросив ее вместе со всем остальным во вступительном эпизоде о Рязани, Лаврентий учел ее, однако же, сам ниже: ею начинается та «похвала» Юрию, на которой заканчивается в Лаврентьевской весь рассказ о Батыевой рати и которой не было, как установлено, в Троицкой и в Летописце 1305 г. Вот это-то собственное послесловие к рассказу в целом Лаврентий и начинает с опущенной в начале детали протографа: «Бяхуть бо преже прислали послы свое зли ти кровопийци, рекуще: мирися с нами; он же (Юрий, — *В. К.*) того не хотяше, яко же пророк глаголетъ — брань славна луче есть мира студна». Деталь о татарских послых из осудительного для Юрия Всеволодовича контекста (в протографе) перенесена, таким образом, Лаврентием в свой собственный хвалебный контекст. Понятным только для современников полемизмом проникнута поэтому вся «похвала» в целом. У русских летописцев издавна было в обычае полемизировать с тем, что выпускалось из протографа при переписке. Вспомним полемику киевского летописца о месте крещения Владимира. Так же точно и в данном случае «похвала» Юрию мниха Лаврентия полемизирует с пропущенной при переписке протографа гневной инвективой рязанца. Обвинению там князя Юрия

¹⁸ В Новгородской I, кроме того, есть к рязанскому эпизоду столь же выразительное послесловие — несомненно современника событий, рязанца.

в небратолюбии «похвала» с первых же слов противопоставляет нечто прямо обратное: «. . .се бо чюдный князь Юрьи потчсая божья заповеди хранити. . ., поминая слово господне, еже рече: о семь познають вы вси человеци, яко мои ученици есте, аще любите друг друга». Что «похвала» Юрию вообще не некролог, написанный после его смерти тотчас, а литературный памятник с большой перспективой в прошлое, видно сразу же из ее литературных источников. Она вся как бы соткана из выборок в предшествующем тексте той же Лаврентьевской. Основой послужила читающаяся там под 1125 г. «похвала» Владимиру Мономаху.¹⁹

Похвала
Владимиру Мономаху

Преставися благоверный и великий князь русский Володимер, сын благоверна отца Всеволода, украшенный добрыми нравы.

Сей же чюдный князь Володимер потчсая божья хранити заповеди и божьи страх присно имея в сердце, поминая слово господне, еже рече: о семь познають вы вси человеци, яко мои ученици есте, аще любите друг друга; и: любите врагы ваша, и добро творите ненавидящим вас. Вся бо зломыслы его вда бог под руце его . . . и покоряше под нозе его вся врагы; он же, заповедь божью храня, добро творяше врагом своим, отпушаше я одарены.

Любопытно, что, дойдя в своих выписках до неприменимых к Юрию качеств Владимира, — победителем своих врагов Юрий не был, — Лаврентий прерывает выписку на слове «зломысл», но сейчас же возобновляет, пропустив только несколько строк.

Похвала
Владимиру Мономаху

Милостив же бяше паче меры, поминая слово господне, глаголющее: блажени милостивии, яко ти помиловани будут. . . темь и не щадяше именья своего, раздавая требующим, и церкви зижя и украшая.

Похвала Юрию

Бо Юрьи, сын благоверного отца Всеволода, украшен добрыми нравы.

Се бо чюдный князь Юрьи потчсая божья заповеди хранити и божий страх присно имея в сердце, поминая слово господне, еже рече: о семь познають вы вси человеци, яко мои ученици есте, аще любите друг друга; не токмо же друг друга, но и врагы ваша любите и добро творите ненавидящим вас; всяк зломысл его прежеменены безбожныи татары отпушаше одарены.

Похвала Юрию

Милостив же бяше паче меры, поминая слово господне: блажении [милостиви, яко ти помилованы будут; темь и не щадяше именья своего, раздавая требующим, и церкви зижя и украшая иконами безъценными и книгами, и грады многы постави, паче же Новгород второй постави на Волзе усть Оки, и церкы многы созда, и монастырь Святыя Богородица Новгороде.

Не менее чем пропуск выше любопытна приписка здесь: как и пропуск на слове «зломысл», эта приписка выдает в Лаврентии, кроме желанья реабилитировать кн. Юрия, одновременно стремление не расходиться с фактами. К приписке Лаврентия мы еще вернемся.

¹⁹ Подобно тому как она же использована была в своде 1212 г. для «похвалы» Всеволоду Большое Гнездо. Ср. статью под указанным годом в Лаврентьевской и Переславской.

Похвала
Владимиру Мономаху

Похвала Юрию

... чтиша же излиха чернецьскый чин и поповскый, подавая им еже на потребу, и приимаю от них молитвы. . . Темь и бог вся прошенья его свершаша, и исполни лета его в доброденстве. И поселе в Кыеве на отни столе 13 лет.

... чтиша же излиха чернецьскый чин и поповскый, подая им еже на потребу, тем и бог прошенья его свершаша, исполни лета его в доброденствии. И поселе в Володимере на отни столе 20 и 4.

Но даже столь длинными выписками заимствования в «похвале» Юрию не ограничиваются: промежутки между кусками, взятыми из статьи 1125 г., заполнялись выборками из других мест. Из статьи 1186 г., о борьбе Всеволода с рязанскими князьями, явно продолжая полемику с рязанской оценкой Юрия, «похвала» заимствует библейскую сентенцию о войне и мире.

Статья 1186 г.

Похвала

Всеволод же не всхоте мира их, яко же пророк глаголет: брань славна луче есть мира студна, со лживым же миром живуще велику пакость землям творять.²⁰

Он же (Юрий, — В. К.) того не хоташа, яко же пророк глаголет: брань славна луче есть мира студна, си бо безбожники со лживым миром живуще велику пакость землям творять, еже и зде многа зла створиша.

Выборка, как и выше, сопровождается новой припиской: «. . . еже и зде многа зла створиша». Где именно «зде» — мы увидим ниже. Но проследим сперва выборки до конца.

Три последних выборки в «похвале» подсказаны статьями: о Владимирском пожаре 1185 г. и о убийении Андрея Боголюбского в 1175 г.

Статья 1185 г.

Похвала

Бог бо казнить рабы своя напастыи различными. . . , да явятся яко злато искушено в горниле; хрестьяном бо многыи напастыи внити в царство небесное; но нужници восхытають е.

Бог бо казнить напастыи различными, да явятся яко злато искушено в горниле, хрестьяном бо многыи напастыи внити в царство небесное; сам бо Христос-бог рече: нужно есть царство небесное, и нужници восхытають е.

Статья 1175 г.

Похвала

Мужеству тезоимените. . . , кровью омывся страдаья ти; аще бо не напасть, то не венець, аще ли не мука, то ни дарове; всякий бо, держася добродетели, не может без многих враг быти.

Георгие, мужество тезоимените! Кровью омывся страдаья ти; аще бо не напасть, то не венець, аще не мука, ни дарове; всякий бо, держася добродетели, не может без многих враг быти.

Статья 1185 г.

Похвала

Но не предажь нас до конца имени твоего ради святого, и не остави милости твоя от нас.

Но не предай же нас до конца имени твоего ради святого, и не остави милости твоя от нас.

Мозаичный подбор применимых к Юрию летописных данных о его предках: отце Всеволоде, дяде Андрее и прадеде Владимире Мономахе — в ответ при этом на опущенную в начале отрицательную его характеристику из переписывавшегося протографа, — литературный прием во всяком случае не современника. Задачу исторической реабилитации современник выполнил бы, конечно, иначе. Только у биографа из другой эпохи

²⁰ То же повторено в статье под следующим 1187 г.

могло оказаться в распоряжении так мало о реабилитируемом лице подлинных фактов. Из всей ведь «похвалы» только вставку о строительной деятельности Юрия можно признать конкретным признаком данного исторического лица, да и то слова: «. . грады многы постави» — имеют в виду не столько факты, сколько далеко отстоящую от них, по времени возникновения, легенду.²¹ А все остальное — просто перенесенные на Юрия отвлеченные признаки чужих книжных характеристик. И замечательно, что прием этот у Лаврентия «похвалой» не ограничивается; он распространяется и на весь предшествующий рассказ о самом нашествии. Кое-что, впрочем, в него внесли из той же летописи, еще до Лаврентия, предыдущие его редакторы. Так, приурочение к взятию Суздаля ряда подробностей из летописного рассказа о взятии Киева половцами в 1203 г. было сделано уже в Летописце 1305 г., так как это, судя по Воскресенской (и Софийской I), имело место и в Троицкой. Зато дальнейшие приурочения подобных же выборок к событиям 1237 г. есть все основания приписать самому Лаврентию. Дата приступа Батыя к Владимиру в Троицкой (=Воскресенской) и полихроне (Софийской I, Новгородской IV): «февраля 7» в Лаврентьевской уточнена: «. . на память св. мученика Феодора Стратилата»,²² — нарочно, как видно, для того, чтобы разъяснить далее, почему «в праздники нам наводит бог сетованье»; самое же разъяснение, читающееся только в Лаврентьевской (от слов: «И бысть плач велик» и до слов: «. . преложю праздники ваша в плач и песни ваша в рыданьи»), целиком перенесено сюда из статьи о половецком набеге 1093 г. Картина разорения Владимира, заканчивавшаяся в Троицкой (=Воскресенской) и полихроне (Софийской I) словами: «. . и чюдную икону самыа Богоматери одрана», в Лаврентьевской продолжена рядом лишних подробностей (от слов: «. . украшену златом, и серебром, и каменьем драгым»), среди которых опять видим выборки не только из статьи 1203 г. (о взятии половцами Киева), но и из статьи о половецком набеге 1093 г. (от слов: «И бе видети страх и трепет, яко на хрестьяньске роде страх, и колебанье, и беда упространися»), так что даже авторское там послесловие, заканчивавшее когда-то собой Начальный киевский свод («Се бо аз грешный и много и часто бога прогневаю и часто согрешаю по все дни»), целиком повторил и Лаврентий, с характерною лишь припиской: «Но ныне на предреченая въздем». Несколькo дальше со сходного выражения («. . но мы на предняя въздем») начинается тот отрывок («. . яко прииде весть»), который мы выше признали собственным вариантом Лаврентия к выпущенному им эпизоду протографа о посылке Юрием Дорожа. Весь отрывок опять пропитан подобными предыдущими заимствованиями. В основу положена летописная статья 1015 г. о кончине Бориса и Глеба; но есть заимствование и из статьи 1206 г.

Статья 1015 г.

В се же время пришла бе весть к Яро-
славу.

Се слышав, Глеб возопи вельми с сле-
зами, плачася по отци, паче же по брате.

Статья 1237 г.

Яко приде весть к великому князю
Юрюю.

Он же, се слышав, возопи гласомь
великим, со слезами, плача по право-
верней вере хрестьяньстей преже, и на-
паче о церкви, и епископа ради, и о лю-
дях, бяше бо милостив, нежели себе,
и жены, и детей.

²¹ См. об этом: В. Л. Комарович. Китежская легенда. Опыт изучения мест-
ных легенд. М.—Л., 1936, с. 107.

²² Руку Лаврентия в этом уточнении даты по святым выдает его общее послесло-
вие к летописи, где точно такие же уточнения из святцев имеют обе встретившиеся там
даты: 14 января и 20 марта.

На заимствованной основе строится, как видим, новый литературный образ: плач Глеба об отце и брате разрастается у Юрия в риторический плач о церкви, епископе и «о людях», жалеемых превыше себя и своей семьи. Самый плач заимствуется из рассказа о кончине жены Всеволода, матери Юрия.

Статья 1206 г.

Статья 1237 г.

Си же блаженная княгини... новый Иов явльшися верою и терпеньем... И Данил рече: «Свет мой годе ти буди».

... рек: «Господи! се ли бы годе твоему милосердью?». Новый Иов бысть терпеньем и верою яже к богу.

Но сейчас же опять дает о себе знать сходство с Глебом.

Статья 1015 г.

Статья 1237 г.

И нача молитися с слезами, глаголя: «Увы мне, господи! луче бы ми умерети с братомъ, нежели жити на свете семь; аще бо бых, брате мой, видел лице твое ангельское, умерл бых с тобою; ныне же что ради остах аз един?..» И сице ему молящюся с слезами, се внезапно придоша послании от Святополка на погубленье Глебу.

И нача молитися, глаголя: «Увы мне, господи! луче бы ми умерети, нежели жити на свете семь; ныне же что ради остах аз един?». И еще ему молящюся со слезами, и се внезапно поидоша татарове, он же отложив всю печаль.

Любопытно, как сквозь наносный слой этих произвольных заимствований в агиографическом стиле проступает уцелевший еще кое-где протограф: из него «поидоша» (вм. «придоша» в статье 1015 г.) в стиле воинской повести; ср. Воскресенскую: «И поидоша оттоле на великого князя Юрия»; из него же уцелевший отголосок эпизода о Дороже: «...отложив всю печаль» (ср. Воскресенскую и Софийскую I). Но агиографический шаблон выступает сейчас же снова: две заключительные молитвы Юрия — из тех же псалмов, что и предсмертные молитвы св. Бориса.

Дальнейшая переработка протографа под пером Лаврентия выразилась в переносе на скупое представленное там Юрия черт и признаков первоначально главного действующего лица, ростовского Василька. Так, выписав фразу протографа (Воскресенская, Софийская и Новгородская IV): «...и ту уьен бысть князь Юрьи, а Василька яша руками безбожнии, и поведоша в станы свое», — Лаврентий не сразу, однако, продолжает начатый уже рассказ о Васильке, но, прервав его, выписывает, во-первых, заканчивавшую его в протографе дату, приурочив ее, таким образом, не к Васильку (как было в протографе), а к Юрию;²³ и, во-вторых, возвращается снова к убитому уже Юрию; повторив еще раз: «И ту уьен бысть князь великий Юрьи», — Лаврентий сообщает о его погребении епископом Кириллом;²⁴ и только после этого возобновляется в Лаврентьевской общий с протографом (Софийская I, Новгородская IV, Воскресенская) рассказ о Васильке. Добавив в нем от себя вторую «похвалу» Васильку (о чем см. выше) с аналогичными предыдущими выборками из летописных характеристик Андрея Боголюбского и отца Василька — Константина (под 1175, 1206 и 1218 гг.),²⁵ Лаврентий умыш-

²³ Дату и здесь Лаврентий усложнил справкой из святцев: «На память святою мученику Павла и Ульяны», чего нет в Воскресенской, Софийской I и Новгородской IV.

²⁴ Что в протографе могло читаться лишь ниже, — ср. Софийскую I, Новгородскую IV, Воскресенскую.

²⁵ Ср. там о проводах Константина на княжение в Новгород: «Жалостные и радостные слезы испущающе, оставше такого утепенья» (до слов: «...паче же и на милостыню») — с дословными (кроме слов «и радостные») повторением этого отрывка в описании похорон Василька; или об Андрее: «Но кровью мученичскою омывая прегрешений своих с братома с Романом и с Давидом» — со следующим местом в похвале

ленно не передает, однако, слов протографа (Софийская I, Новгородская IV, Воскресенская) о погребении Василька: «Не бе же слышати пения в мнозе плаче»; их, как и дату, он приурочивает (ниже) к Юрию. А на месте этих отнятых у Василька слов — перед светской его «похвалой» — Лаврентий опять помещает нечто относящееся не к Васильку, а к Юрию: подробность о вложении в гроб головы Юрия, в протографе, верней всего, не читавшуюся вовсе.²⁶

Весь литературный труд мниха Лаврентия, в пределах статьи о Батыевой рати, сосредоточен, таким образом, на одном образе князя Юрия. Чтоб снять с него тень, наложенную предшествующим летописанием, мних Лаврентий проявил много изобретательности и старания. Едва ли так уж прост был отбор всего, что могло пригодиться, с отдельных страниц и строк 10 летописных статей (1015, 1093, 1125, 1175, 1185, 1186, 1187, 1203, 1206, 1218 гг.) о 6 разных лицах; свои черты передали Юрию, под пером Лаврентия, Борис и Глеб, Владимир Мономах и Андрей Боголюбский, Всеволод и его княгиня, наконец, даже Василько, убитый одновременно с Юрием. Сразу видно при этом, что цель, руководившая пером Лаврентия, неразрывно была связана с его званием «мниха»: полуфольклорному стилю воинских повестей, который присущ был рассказу в протографе, Лаврентий со всей решительностью противопоставляет отвлеченно-риторический стиль житий с молитвами, «плачами» и «похвалами». Не разговорная речь, а книга, не отзвук песни, а цитата характеризуют его вкус и приемы. Цитата из предшествующего текста памятника есть, между прочим, и в собственном послесловии Лаврентия ко всей летописи: «Радуется купецъ, прикуп створив, и кормчий, в отишье пристав, и странник, в отечество свое пришед; также радуется и книжный писатель, дошед конца книгам»; из трех уподоблений «писателя» одно во всяком случае Лаврентий тоже отыскал в переписывавшейся им летописи: под 1231 г. кто-то из его предшественников летописцев просит в молитве: «. . . да и аз. . . направляя, корабль словеси в тихо пристанище введу».

Время, когда труд Лаврентия был выполнен, известно (из того же послесловья) с точностью: между 14 января и 20 марта 6885 (1377) г. Дата эта для понимания возникшего тогда памятника, как увидим, многозначительна. Но предварительно не менее важно установить, где был выполнен труд Лаврентия. В том же все послесловии он сам называет благословившего его на труд епископа Дионисия «нашим епископом суждальским и новгородским и городецким». Естественно напрашивающийся отсюда вывод таков, что в одном из этих трех городов своего епископа должен был проживать и Лаврентий. Но в каком именно? Ответ подсказан выделенными выше приписками Лаврентия к цитатам из статьи 1125 г. в «похвале» князю Юрию. Первая из них — о «великой пакости землям» от злых кровопийц половцев и татар — гласит: «. . . еже и зде многа зла створиша». Намекая на что-то вполне конкретное и недавно лишь происшедшее «зде», т. е. там, где Лаврентий трудился, приписка эта, датируемая, как и вся рукопись, январем—мартом 1377 г., из трех названных городов позволяет сразу же выбрать Новгород (Нижний).

Ни Суздаль, ни Городец около 1377 г. татарским набегами не подвергались. Напротив, Нижний Новгород, незадолго до того, как труд Лаврен-

Васильку: «И Соломон глаголетъ: милостынями и верою очищаются греси. . . Сего бо блаженного князя Василька сприче бог смерти подобно Андреев, кровью мученичскою омывсья прегрешений своих с братом и отцем Георгием с великим князем».

²⁶ В Новгородской IV ее нет вообще; в Софийской и Воскресенской она читается не до, а после светской «похвалы» Васильку, попав, должно быть, сюда в порядке сверки протографа полхрона (или свода 1448 г.) с Лаврентьевской.

тия был окончен, подвергся ряду опустошительных с их стороны нападений. Жертвой одного из них даже чуть было не сделался сам епископ Дионисий.

31 марта 6683 (1375) г., т. е. меньше чем за два года до того, как Лаврентий вписал свое послесловие, в Нижнем Новгороде разыгралось вот что: захваченный незадолго перед тем в плен предводитель татарского посольства Сарайка с дружиною, узнав, что его и его дружину приказано «развести», т. е. рассадить по разным местам, «не восхоте того», — говорят сохранившие это известие летописи,²⁷ «но избежа на владычень двор и с своею дружиною, и зажже двор, и начя стреляти люди, и многи люди явзи стрелами, а иных смерти предасть, и восхоте еще и владыку застрелити и пусти на нь стрелу; и пришед, стрела коснуся перьем епископа токмо в край подола монашьи его. . . , но бог заступи епископа. . . Сами же татарове ту вси избieni быша, и ни един от них не избысть». Переполох на дворе нижегородского владыки, с пожаром, побоищем и стрельбой по нему самому, тем тверже мог запомниться людям, ему близким, а в их числе — и Лаврентию, что это еще только было начало; летом того же 1375 г., т. е. уже за полтора только года до составления Лаврентьевской, «приидоша татарове из Мамаевы орды» и опустошили всю южную окраину Нижегородского княжества, так называемое Запьянье: «. . .пограбиша, и пусто сътвориша, и люди посекоша, а иных в полон поведоша». Нечто подобное, как можно думать, произошло летом следующего 1376 г.,²⁸ чтоб повториться в грандиозных размерах и в 1377 г. (в августе), при походе на Нижний Новгород татарского царевича Арапши.

В затяжной полосе татарских «пакостей землям» был, как видим, около 1377 г., из трех городов епископа Дионисия только Нижний, в котором пострадал в это время даже сам Дионисий. К Нижнему, следовательно, только и может относиться в приписке Лаврентия слово «зде»; к Нижнему необходимо приурочить и самое составление Лаврентьевской.

Вторая из выделенных выше приписок этот вывод позволяет уточнить дальше.

Она, как показано, в дополнение к тому, что заимствовано из «похвалы» Владимиру Мономаху, вменяет в заслугу Юрию Всеволодовичу постройку городов и церквей, а в виде конкретных примеров указывает Нижний Новгород («. . .паче же Новград второй постави на Волзе усть Оки»), а церковь — «монастырь Святыя Богородица Новегороде». Указанье на один только Нижний из упоминаемых тут же «градов многих» легко теперь объясняется пребыванием в этом именно городе самого Лаврентия. И только такое же объяснение возможно для указанного дальше монастыря. Не он один выстроен был Юрием Всеволодовичем; заново был им отстроен древний собор в Суздале;²⁹ и в Нижнем, кроме названного монастыря, был заложен Спасский собор,³⁰ тот самый, который играл там позже, в эпоху как раз Лаврентия, ту же приблизительно роль, что Софийский в Новгороде, Троицкий во Пскове или Успенский во Владимире; и Архангельский собор в Нижнем приписывался позже Юрию Всеволодовичу.³¹ Но вот ни одна из этих его бесспорно главных построек Лаврентием в «похвале» не упомянута, а упомянут только нижегородский Благовещенский монастырь. Для такого предпочтения поводом могла

²⁷ Симеоновская, Воскресенская, Рогожская, Ермолинская, Типографская, Никоновская и другие летописи.

²⁸ А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства, с. 274.

²⁹ Ср. Лаврентьевскую под 6730 (1222) г., Симеоновскую — под 6731 (1223) г.

³⁰ Ср. Лаврентьевскую под 6733 (1225) г., Симеоновскую — под 6734 (1226) г.

³¹ См.: Нижегородский летописец. Работа А. С. Гацкого. Н. Новгород, 1886, с. 1, 2.

быть только принадлежность к братии этого монастыря самого Лаврентия. Рассказ же о начале того монастыря, где составлялась летопись, хотя бы в краткой форме простого упоминания, был, как известно, у русских летописцев в обычае издавна.

О нижегородском Благовещенском мужском монастыре известно, что он действительно был основан Юрием Всеволодовичем, одновременно с Нижним, в 1221 г.,³² но, придя позже в упадок, был восстановлен заново как раз незадолго перед 1377 г. по инициативе посетившего Нижний митрополита Алексия, о чем сохранилось известие не только в Нижегородском летописце, но и в Степенной Книге;³³ совпав с расцветом только что обновленного Константином Васильевичем Суздальско-Нижегородского княжества, это восстановление древнейшего из монастырей новой столицы княжества³⁴ не обошлось без обычного в таких случаях в Древней Руси литературного начинания, — в монастыре стали вести летопись.

В сводах, отразивших наше областное летописание XIV—XV вв., в летописях Симеоновской, Ермолинской и Рогожской, Никоновской и др., есть ряд известий, которые несомненно заимствованы из какого-то одного, не дошедшего до нас полностью нижегородского свода второй половины XIV и начала XV в.³⁵ Одно из этих известий и указывает с несомненностью Благовещенский монастырь как место, где этот свод мог возникнуть. Сообщение об оползне в Нижнем Новгороде над Волгой отредактировано так, как только это мог сделать монах названного монастыря, отсчитав дистанцию при указании места оползня не от города, как следовало бы ожидать, а от этого самого Благовещенского монастыря («. . . упаде с горы высоки и велики, еже над Волгою, за святым Благовещением»), находившегося, однако, согласно тем же летописям, «вне града», и не на Волге, а на Оке.³⁶ На какую-то давнюю традицию если не собственной монастырской летописи, то летописных в нем интересов, указывает и опись принадлежавших Благовещенскому монастырю до 1791 г. книг. В ней показан какой-то «Летописец от создания мира до царства Константина Палеолога, последнего царя греческого», «на 417 листах, в кожаном переплете»; год не указан, но другие рукописи монастыря, — перечисленные в перечне А. Е. Викторова, — восходят к XVI и даже XV в.³⁷ Все, как видно, говорит за то, чтоб признать действительно нижегородский Благовещенский монастырь средоточием суздальско-нижегородского областного летописания той самой эпохи, когда жил и трудился один из его монахов, «писатель» названной его именем Лаврентьевской летописи. А так как прославление лица, построившего монастырь, где велась летопись, тоже было в обычае у русских летописцев издавна, объясняется отчасти и повышенное внимание Лаврентия к Юрию Всеволодовичу. Но объясняется, как сразу видно, только отчасти. Высоко-

³² В 1229 г. он уже был разорен мордвой, см. под этим годом Лаврентьевскую и Симеоновскую; см. также: П. Строев. Ключ к Истории государства Российского Н. М. Карамзина, ч. 2. М., 1836, с. 101.

³³ Нижегородский летописец, с. 13; ПСРЛ, т. XXI, ч. 2. СПб., 1913, с. 358. Ср.: Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода, составленные Н. Храмовским, ч. II. Н. Новгород, 1859, с. 111—112.

³⁴ Игравшего в нем, должно быть, роль первого монастыря местной епископской кафедры, что видно из данной Саввы Сычева 1398 г.: «. . . дал есмь в дом св. Спаса (в Нижнем) и св. Благовещения архимандриту Малахею с братиею». См.: Сборник Муханова. М., 1836, с. 195.

³⁵ М. Д. Приселков. Летописание XIV века, с. 37—39.

³⁶ Ср. это известие в Симеоновской (под 6878 г.), Ермолинской (под 6877 г.) и Рогожской (под 6878 г.).

³⁷ См.: А. Е. Викторов. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890, с. 318—319, 325.

парные похвалы князю-ктитору имели бы смысл с точки зрения узко монастырских интересов летописца-монаха только при жизни этого князя; как, скажем, при жизни Юрика Ростиславича, оградившего каменной стеной Выдубецкий монастырь в Киеве, ширококвещательной «похвалой» ему закончен был Выдубецкий летописный свод 1199 г. Не то в своде Лаврентия: восхваляемый им в 1377 г. князь-строитель принадлежал уже тогда далекому прошлому. А с другой стороны, и размах «похвалы» Юрию Всеволодовичу в Лаврентьевской слишком смел для доморощенной только инициативы простого «мниха»: князя Юрия, приравненного в рязанском своде окаянному Святополку, превратить в подобного св. Глебу христороубца и мученика; на неудачника, погубившего и свой княжеский «корень», и свое княжество, перенести впервые на Северо-Восток, задолго до аналогичных опытов над родоначальниками московских князей, династический отблеск имени Мономаха, — едва ли бы додумался и осмелился простой монах, без соответствующих указаний свыше. И что такие указания у Лаврентия в самом деле имелись, видно опять-таки из его послесловия, где он дважды, в торжественных выражениях, назвал своих прямых литературных заказчиков: кн. Дмитрия Константиновича и епископа Дионисия. Инициативе последнего и следует, конечно, приписать все смелое своеобразие проделанной Лаврентием самостоятельной летописной работы.

Дионисия принято считать крупным, но «загадочным» деятелем своей эпохи. Загадочен, однако, не он, а, во-первых, те события, в которые он был волей-неволей вовлечен, и, во-вторых, традиционная точка зрения на эти и подобные им события у той корпорации, к которой Дионисий принадлежал смолоду.

События касались взаимоотношений митрополита с великим князем, корпорация была — Киево-Печерский монастырь.

Типическим печерянином Дионисий оставался всю свою жизнь: начав с основания (около 1335 г.) на далеком северо-востоке, на Волге, в 4 верстах от новой столицы Константина Суздальского, нижегородских «Печёр» — монастыря, и уставом и обиходом подражавшего монастырю Феодосия и Антония, — Дионисий заканчивает свою нетихую, впрочем, жизнь именно там, откуда когда-то вышел, — в Киево-Печерском монастыре: «... и положен бысть, — по словам летописи, — в Киевской Печере великого Антония»,³⁸ — честь, которой и из печерян удостаивались не все. Это было восемь лет спустя после составления Лаврентьевской; а за три года до ее составления, в 1374 г., игуменство в нижегородских Печерах Дионисий сменяет на сан суздальского епископа, и уединенный аскет превращается на все последние 10 лет своей жизни в рясофорного дипломата с большим размахом очень азартной и временами удачной деятельности. На начальный период этой деятельности падает и составление Лаврентьевской.

Борьба за первенство Твери, Москвы и Нижнего Новгорода на каждом отдельном своем этапе зависела в то время, помимо соотношения их собственных сил, и от золотоордынских ханов и византийского патриархата: хан выдавал ярлык на великокняжеский стол, патриарх ставил на Русь митрополита. А роль митрополита и церкви вообще — мы уже знаем — в русской жизни возросла в ту эпоху до весьма значительных размеров. Золотоордынская политика в отношении церкви с самого начала руководилась принципом ее фискальной, административной и юридической экстерриториальности. Клир, монастыри и население их вотчин попадали поэтому в сугубо привилегированное положение. Каждая из удельно-кня-

³⁸ Рогожская и Симеоновская под 6893 (1385) г.

жеских областей стремилась, соревнуясь с остальными, монополизировать эту автономную по отношению к хану силу в свою лишь пользу. Для Москвы, как известно, омосковить митрополичью власть стало первоочередной, важнейшей задачей со времен уже Калиты, таким же его родителем заветом потомству, как и недробимость вотчинного надела старшего из сыновей или откуп в Орде «числа». И к 70-м годам XIV столетия уже многое в этом направлении было достигнуто: в Москву фактически переместилась из Киева (и Владимира) кафедра митрополита «всех Руси»; целых 20 лет эту кафедру занимал природный москвич, из рода бояр Плещеевых, митрополит Алексей; мало того, он и пастырские свои заботы почти уж не отличал от забот и целей московской политики, сам, в качестве регента, не раз осуществляя чисто политические узкомосковские цели средствами пастырского авторитета. Но все же это было только еще начало; и для того, чтобы решить задачу вполне решенной, — к середине XV в., при митрополите Ионе, — России предстояло пережить почти столетие, сплошь заполненное, кроме московских усилий в указанном направлении, также встречными и противоборствующими усилиями других земель и княжеств, по-своему стремившихся решить тот же вопрос о наибольшем благоприятствовании со стороны церкви. Усилия эти были столь же разнохарактерны, как и самые области; и, в частности, для области Суздальско-Нижегородской они осложнялись церковно-административной череполосницей, создавшейся в результате переселения русского митрополита из Киева во Владимир. Присутствие митрополита «всех Руси» во Владимире упраздняло в качестве самостоятельной церковно-административной ступени епископскую кафедру во Владимире, с которой были, однако, искони связаны не только Нижний Новгород и Городец, но и сам древний Суздаль, т. е. все три города Суздальско-Нижегородского княжества. Они становились митрополичьими, а тем самым, при намечавшейся все больше и больше московской ориентации митрополитов, непосредственно подверженным политической давлению Москвы. Политическое соперничество с Москвой без радикального изменения церковно-административной структуры княжества становилось для суздальско-нижегородских князей фактически невозможным. Выход им рисовался сперва в обоюдных с Москвой уступках. Дело в том, что в заботах о закреплении митрополичьей кафедры за «своим человеком» московские князья решили ставить на фактически упраздненную, но номинально существовавшую епископскую кафедру во Владимире наместников митрополита, по выбору митрополита и князей, с таким расчетом, чтобы наместник этот после смерти митрополита мог явиться удобным с московской точки зрения ему преемником. Но кандидатуру такого наместника, выдвинутую Москвой, мог отвести другой (и старший при этом) представитель княжеской власти в пределах бывшего владимирского епископата — князь суздальский. Вот в этой зависимости от суздальско-нижегородских князей — кандидатов на придуманную Москвой должность митрополичьих наместников и заключалась причина известной уступчивости Москвы в вопросе о суздальско-нижегородском епископате. Признать таковой существующим в составе всех трех городов княжества, хотя бы только на время, Москва всякий раз соглашалась при условии, что суздальско-нижегородские князья, в свою очередь, проявят уступчивость в вопросе о митрополичьем наместнике. Так были улажены оба спорных вопроса между Симеоном Ивановичем Московским и Константином Васильевичем Суздальским: Москва получила удобного ей наместника в лице будущего митрополита Алексия, Суздаль — независимую от владимирской кафедры свою собственную епископию с входящими в нее Нижним и Городцом. Таков смысл и результат того княжеского «снима» 1352 г., о котором

говорят летописи.³⁹ Последовавшее затем двадцатилетнее управление митрополией Алексия с новой остротой поставило перед суздальскими князьями вопрос об их одинаково непрочной теперь — церковной и политической — самостоятельности.

В целях московской политики митрополит Алексей не только налагал на Суздальско-Нижегородское княжество церковные интердикты, но однажды прямо даже упразднил там и кафедру, восстановив ее потом только в пределах Суздаля, без Нижнего и Городца. Так что, когда к концу его жизни, по усвоенному уж в Москве обычаю, встал опять вопрос о владимирском митрополичьем наместнике и его решение опять зависело не от одной Москвы, но и от Суздаля, суздальские князья — Дмитрий и Борис Константиновичи с сыновьями — сумели сделать вывод из опыта предыдущих 20 лет: опять уступив Москве в вопросе о наместничестве, они добились, однако, решительных уступок и со стороны Москвы в вопросе о суздальско-нижегородском епископате в объеме всех трех городов их княжества, с епископом по их несомненному выбору. В результате новый княжеский снем в Переяславле, приуроченный к крестинам одного из сыновей Дмитрия Ивановича Московского,⁴⁰ Москве дал в митрополичьи наместники княжеского любимца, коломенского попа Митяя, а Суздаль, вновь объединенный в одну епископию с Нижним и Городцом, получил в епископы друга и духовника своего княжеского дома, печерянина Дионисия. Это произошло за 4 года до составления Лаврентьевской, в 1373 г. И перечисленные выше обстоятельства не остались в ней неучтенными. Один уж перечень городов Дионисиевой епархии в послесловии Лаврентия: «. . . при епископе нашем христоролюбивом священном Дионисье Суждальском и Новгородском и Городьцком» — был, как видим, прямой декларацией об одержанной только что дипломатической победе. Ни у одного из предшественников Дионисия такого титула в летописях нет. Не менее красноречива, с точки зрения областных суздальско-нижегородских интересов рассматриваемой эпохи, еще одна касающаяся титула суздальских иерархов подробность. Под 6722 (1214) г., упоминающая о смерти епископа Иоанна, Лаврентьевская именует его просто: «епископ Суждальский», тогда как в Симеоновской (=Троицкой) читается: «Суздальский, Володимерский», что отражает, вероятно, и общий с Лаврентьевской протограф. Пропуск слова «Володимерский» тем легче приписать самому Лаврентию, что купюра эта прямо соответствует многолетним усилиям суздальско-нижегородских князей обособить друг от друга преемство своих епископов и ставший митрополичьим Владимир.

Переяславльский снем 1373 г. впервые, должно быть, москвичу Митяю противопоставил суздальца Дионисия; и, таким образом, уже самое выступление двух этих лиц на арену больших событий было выступлением антагонистов; вспыхнувшая позже личная их вражда лишь завершила отнюдь не личный по существу конфликт Москвы и Суздаля вокруг вопроса о национальной или вселенской в России церкви. Попа Митяя современник изобразил «новоуком в чернечестве», который на пострижение «акы нужею приведен бысть», но зато был «возрастом не мал, телом высок, плечист, рожает, браду имея плоску и велику и свершену, словеса речист, глас имея доброгласен износящ, грамоте горазд, пети горазд, чести горазд, книгами говорити горазд, всеми дела поповскими изящен и по всему нарочит бе. И того ради избран бысть изволением великого князя во отчество и в печатники, и бысть Митяй не токмо отец духовный князю великому и всем бояром старейшим, но и печатник, яко

³⁹ Новгородская IV под 6860 г.

⁴⁰ О нем см. Симеоновскую под 6882 г.

на себе носил печать князя великого. И пребысть в таком чину и в таком устроении многа леты». Духовником при своих князьях был также и Дионисий, но результат оказался прямо обратным: вместо обмирщенья духовника — уход от мирских дел самого князя; старший из сыновей Константина Суздальского, Андрей, сев после смерти отца, в 1355 г., по старшинству на великокняжеский стол в Нижнем Новгороде (Симеоновская — под 6863 г.), отказывается, однако, через 4 года в пользу брата Димитрия и от отцовского великого княжества, и от предложенного ему в Орде великого княжества «всей Руси» (Рогожская — под 6867 г.), не будучи при этом удручен ни старостью, ни болезнью; напротив, подвергшись однажды в эти же годы внезапному нападению татар, он сумел, как говорит летопись, «построив крепость свою и не убоясь грозы их», пробиться «сквозе полкы их татарскыя, биючися» с ними как настоящий былинный храбр (Рогожская — под 6869 г.). Отказ от старшинства и власти проистекал, очевидно, из издавна насаждавшегося печерянами умонастроения, виновником которого в данном случае можно признать Дионисия, хотя бы потому, что после смерти Андрея он постригает в монашество княгиню Андрееву, Василису, о чем летописи сохранили особый, в житийном тоне, рассказ (Симеоновская — под 6886 г.).

Иное, чем Митяй, впечатление производил и сам Дионисий. Появившись в 1379 г. в Константинопольском патриаршем синоде, где на русских склонны были еще смотреть как на варваров-«невегласов», Дионисий поразил греков тем, что сумел «святому сбору приложиться», т. е. вступить с собравшимися в беседу, и, беседуя «с теми духовно, иже о божественном писании», обнаружил вдруг неожиданные познания: «. . . знаем обое (и Ветхий завет, и Новый, — *В. К.*) показа яве», так что все, продолжает патриарх Нил, чем «божий и духовный знаменуется человек», в нем превзошло похвалы и ожидания.⁴¹

Конфликт с Митяем был неизбежен и, что особенно важно, начал назревать тотчас после 1373 г. Уже патриарху Макарию, занимавшему патриарший престол между 1376 и 1379 г., следовательно, как раз около 1377 г., Дионисий, как можно думать, жаловался на притеснения своей епископии со стороны митрополичьего наместника Митяя⁴² и получил приглашение явиться в Константинополь; таким образом, еще до собора, окончательно поссорившего двух соперников, их взаимные претензии были и сформированы, и как-то подкреплены. И то, во что вылились они потом на соборе, не могло заранее не наложить свой отпечаток на предпринятый Дионисием при первых сборах в Константинополь литературный труд.

Но поездка Дионисия в Константинополь, видимо, задержалась из-за ожидавшейся всеми смерти престарелого митрополита Алексия.

О событиях, последовавших за нею⁴³ и выразившихся в созыве русских епископов на собор в Москву для поставления Митяя помимо патриарха, узнаем из «Повести о Митяе», читающейся в двух разных редакциях в Симеоновской, Рогожской, Ермолинской, Воскресенской и Никонской. Но хоть и написанная очевидцем на основании бесспорных фактов, повесть эта выдержана в стиле реалистического памфлета, с некоторыми, однако, чертами литературной пародии. Происшедшее на Москве «диво», — самочинное превращение попа из бельцов, т. е. мирянина, в высшего иерарха церкви, — описывается не без горькой иронии как

⁴¹ РИБ, т. VI. СПб., 1880, с. 199—200.

⁴² См.: Пл. С о к о л о в. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев, 1913, с. 490. Выводы этого исследователя вообще положены в основу данного раздела.

⁴³ Митрополит Алексий скончался 12 февраля 1378 г.

чудесное совмещение обеих властей — мирской и духовной — сказочным царем-попом из «Сказания о Индийском царстве»: «. . . и ту бяше видети диво полно, иже до обеда белець сый, а по обеде архимандрит, иже до обеда белець и мирянин, а по обеде мнихом начальник и старцем старейшина, и наставник, и учитель, и вожь, и пастух».⁴⁴ Событиям в повести придан поэтому несколько более анекдотически случайный характер, чем это было в действительности. Сам Митяй будто «умыслил» посоветовать Димитрию Ивановичу: «. . . почтох книги номоканон, еже суть правила апостольскаа и отечьскаа, и обретох главизну сию, яко достоить епископов 5 или 6, спедшесе да поставят епископа, и ныне да повелит держава твоя с скоростию, елико во всей русстей епархии да ся снидут епископи да мя поставят епископа». В действительности же за этим Митяевым умыслом были и почтенная давность, и не менее почтенное будущее. Ссылка Митяя на номоканон в точности повторяла подобную же аргументацию сторонников избрания в митрополиты Клим Смолятича собором русских епископов за двести с лишним лет до Митяя, при Изяславе Мстиславиче Киевском, в 1147 г., при аналогичной к тому же политической ситуации: и тогда, как и теперь, великий князь остро нуждался в поддержке церковью своих чисто княжеских начинаний; почти одновременно, в том же XII в., другой великий князь, и уже не киевский, а владимирский, прямой предшественник Димитрия Ивановича, затевает то же самое на северо-востоке: проект Андрея Боголюбского и его любимца Федорца о создании отдельной от Киева северо-восточной митрополии с митрополитом из русских предвосхищал Митяеву затею даже в деталях. Если прибавить к этому в прошлом имена Ярослава и «русина» Илариона, а в будущем, для Юго-Западной Руси, Виленский собор 1415 г., поставивший по инициативе Витовта в киевские митрополиты Григория Цамблака, для Московской же — сходное поставление на соборе 1449 г. митрополита Ионы, то окажется, что Митяй ничего сам и не «умышлял», а просто в меру сил и возможностей трудился над осуществлением одной из важных задач складывавшегося вокруг Москвы государства: задачи создания национальной общерусской иерархии.

Но не менее традиционны и поведение Митяева противника. На соборе 1379 г. Дионисий опротестовывает избирательные права собора. «По повелению же князю собрашася епископи; ни един же от них дерзну рещи супротив Митяю, но токмо Дионисий, епископ суждальский, повозбрани князю великому, рек: „Не подобает тому тако быти“». Здесь уместно припомнить, откуда такой протест мог простекать. Как относились в Киево-Печерском монастыре, хотя бы *post factum*, к настолованию в Киеве «русина» Илариона, судить не можем, поскольку Повесть временных лет дошла до нас не в печерском изводе, а в выдубецком. Зато при следующей аналогичной попытке — Изяслава с Климом Смолятичем — точка зрения Печерского монастыря с полной ясностью была выражена новгородским епископом, печерянином Нифонтом. Речь Нифонта на соборе 1147 г., протестовавшего против избрания Клим (в Ипатьевской), почти с текстуальной близостью предвосхищала то, что «Повесть о Митяе» сообщает об аналогичном протесте Дионисия на соборе 1379 г. Печеряне не были партией «гречествующей» в собственном смысле: с митрополитами из греков у них бывали даже и ссоры; но, с другой стороны, им решительно была чужда и та уступчивость по отношению к собственному княжеским — сперва феодально-сословным, а потом и государственным — интересам, которая с полной очевидностью наметилась уже в первой четверти XII в. у выдуб-

⁴⁴ Ср. в «Сказании о Индийском царстве»: «. . . аз есмь до обеда папа, а по обеде есмь царь» (В. И с т р и н. Сказание об Индийском царстве. М., 1893, с. 71).

лян. Печерянин Нифонт с исторической неизбежностью и возглавил на соборе 1147 г. оппозицию церковным притязаниям великого князя. На соборе 1379 г. печерянин Дионисий только повторил Нифонта. И как там, так и тут, отпор великокняжеским притязаниям на общецерковном фронте — в вопросе о митрополите — прямо повлек за собой реформу, в духе такой же обороны церкви от князя, в областных пределах соответствующей епископской кафедры.

Роль в истории Новгорода церковно-административной независимости от митрополита епископов, ставших из простых епископов архиепископами, общеизвестна. Может также считаться доказанным, что независимость эта возникла в результате церковно-административной реформы Нифонта. Он первый из новгородских владык добился у Византии титула архиепископа и установил для своих преемников особый, независимый ни от князей, ни в конце концов от митрополитов, порядок избрания по жребию, что имело весьма важное значение для государственного устройства Новгородской земли.

Но вот что предпринимает после собора в Москве тотчас поехавший в Царьград Дионисий? Повторив свой иск, предъявлявшийся уже ранее патриарху Макарию, он доносит теперь и патриарху Нилу (поставленному в 1380 г.) «о двух городах — Новгороде (Нижнем) и Городце, что они, состоя в уделе суздальского князя, принадлежат к той же епархии и находятся вблизи его церкви, но что митрополиты русские беспокоят его (в обладании сими городами). Поэтому он просил на них грамоты у патриарха и получил таковую».⁴⁵ Грамота сохранилась.⁴⁶ Патриарх Нил в ней писал: «Немалая неправда будет, да аще сего (т. е. Дионисия) непочтена отпустим. . . Сего ради благодетельствует и подает. . . смирение наше церкви его зватися архиепископъею отныне, святые митрополюя киевския и всея Руси. . . и град его, и церкви его возведохом и почтихом второй чин имети в всех епископях митрополюя всея Руси». «И убо первая архиепископья, — продолжает Нил, — Великий Новгород, а вторая епископья — Суздаль: облачитись ему во стихарь со источники и во фелонь с четырьми кресты и с еуагеллы. Такову бо да имать честь и достояние архиепископ суздальский, иже одарован есть от нашего смирения второе место имети во всем»; «грабежникам» же и «хищникам», которые дерзнут «возложити руку» и «отторгнути» у новой архиепископии «от предела ее», патриарх угрожает анафемой и не без тревоги высказывает надежду «яко сия вся без мятежа возлюбудтся».⁴⁷ Сходство с новгородской церков

⁴⁵ См.: РИБ, т. VI, Приложения, с. 230.

⁴⁶ Там же, с. 199—204.

⁴⁷ В приподнятом тоне говорит о событии и летопись (Симеоновская — под 6890 г.): «Тое где зимы прииде из Царяграда на Русскую землю Дионисий, епископ Суздальский. . . а исправил себе архиепископью, и благослови его вселенский патриарх Нил, и великая соборная апостольская церковь, и весь священский вселенский собор, повеле ему зватися и быти архиепископом в Суздале и в Нижнем Новгороде и на Городце, и по нем пребыть сущим в тых делех также и иным епископом». Что касается опасений патриарха, что вспыхнет мятеж, то они несомненно имели под собой почву: как раз в разгар соборных споров Дионисий и Митяя в Москве на Кучковом поле «повелением князя великого» был казнен сын тысяцкого, Иван Васильев, как об этом узнаем, например, из Симеоновской под 6887 г. Казненный был в родстве с суздальскими князьями.

В. Л. Комарович дает глухую отсылку на работу В. С. Иконникова «Опыт русской историографии» (т. II). Найти сведения о родстве Ивана Васильевича Вельяминова с суздальско-нижегородскими князьями редакции не удалось. Из работ А. В. Экземплярского «Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период» следует, что дочь суздальско-нижегородского великого князя Дмитрия Константиновича была замужем за Николаем Васильевичем Вельяминовым, братом Ивана Васильевича (в 2. СПб., 1831, с. 281 и родословная таблица V). (Прим. ред.).

ной реформой Нифонта не только само бросается в глаза, но даже умышленно подчеркивается в самой грамоте, в трехкратном указании на «второе» после Новгорода место новой архиепископии. Сходство исторических ситуаций было, следовательно, использовано самим Дионисием в качестве аргумента при иске: то, в чем не было отказано Новгороду, могло иметь шансы на успех и для Суздаля с Нижним Новгородом. И что внесению этого аргумента в грамоту могла предшествовать документальная его проверка по летописям, видно как раз из Лаврентьевской. Та собственная интерполяция мниха Лаврентия в заимствованной из статьи 1125 г. «похвале» кн. Юрию, где говорится о постройках этого князя и называется в качестве главной из них постройка стольного города Константиновичей — Нижнего Новгорода, придает названию этого города совершенно необычный в летописях, но в точности тот же, что в грамоте Нила, эпитет «второй».⁴⁸ Устанавливаемый благодаря такому эпитету культурно-исторический параллелизм между «Новгородом Вторым» и Новгородом Великим ни из каких других фактов, кроме как из задуманного Дионисием переустройства своей епископии по новгородскому образцу, объяснен быть не может. Из этого же замысла Дионисия объясняется и весь труд Лаврентия над литературным портретом самого Юрия.

Право на выделение в автономную от митрополита архиепископию Византия признавала за областями и землями с известным историческим и культурным престижем, в том смысле, как этот престиж тогда понимался: прочности светской власти должна была соответствовать прочность и давность христианского культа, внешним подтверждением чему лучше всего могли служить, в глазах Византии, частные культы местных святых. В поисках такого престижа для своей Суздальско-Нижегородской земли, — перед попыткой превратить ее в архиепископию, — Дионисий и должен был обратить особое внимание на ктитора главных монастырей и храмов в этой земле, строителя одного из ее городов и первого из князей, владевших всеми тремя сразу. Недаром в приданных Лаврентием кн. Юрию чертах так много того, что могло импонировать как раз грекам: в качестве династа суздальско-нижегородских князей он был выставлен Дионисием как второй Мономах, родственник византийских василевсов; в своих политических неудачах он не только оправдан как мученик, вроде Бориса и Глеба, но и наделен одной специфической добродетелью, у тех отсутствовавшей: преданностью епископу больше, нежели жене и детям; а это не что иное, как заимствование из поучений патриарха Луки Хрисоверга Андрею Боголюбскому в той к нему грамоте (от 1160 г.), которой постоянно пользовались потом на Руси в качестве нормы княжеско-епископских отношений. Наконец, образу Юрия Лаврентием придан был агиографический отенок, с прямым даже упоминанием о его мощах; но в числе архиепископских привилегий, закрепленных за Дионисием грамотой патриарха Нила, было оговорено и особое право местной канонизации: «Еще же дарует боголюбивому архиепископу сему смирение наше, яко аще восхоцеть архиепископыи своей честные праздники сотворити. . . да не имать ни от кого же забавления, ни смущения».⁴⁹ Пользовались ли в XIV в. таким правом простые епископы, неизвестно; но архиепископ новгородский беспорно пользовался.⁵⁰ Если успел им воспользоваться

⁴⁸ «. . . иначе же Новгород второй постави на Волзе усть Оки»; ни в самой Лаврентьевской летописи, ни в параллельном к ней и дальнейшем тексте Симеоновской Нижней Новгород так не назван больше ни разу.

⁴⁹ РИБ, т. VI, с. 204.

⁵⁰ Е. Г о л у б и н с к и й. История русской церкви, т. II, вторая половина тома, вып. первый. М., 1917, с. 587.

и Дионисий, то, скорее всего, как раз в отношении Юрия Всеволодовича: при очень поздней общецерковной канонизации этого князя (в 1647 г.) празднование ему, приуроченное к «убиению», отнесено было, однако, не к 4 марта, как следовало бы в согласии с датой избранного события, а к 4 февраля, чему объяснение может быть только в издавна установленном в этот день местном праздновании, с приурочением, следовательно, не к «убиению», а например, к постройке города или храма, что и могло произойти при архиепископе Дионисии в Нижнем Новгороде.

Составление Лаврентьевской неразрывно, как видим, связано с учреждением на Руси по инициативе Дионисия второго архиепископства. И так как осуществлению проекта в 1382 г. несомненно предшествовал сравнительно очень долгий период его обдумывания и всесторонней подготовки, то и есть основания признать одним из актов этой подготовки составление Лаврентьевской. Если действительно предшественник патриарха Нила — патриарх Макарий, ведя с Дионисием переговоры между 1376 и 1379 гг., звал его уже тогда в Византию, то к сборам его туда как раз в указанный срок, в 1377 г., было, вероятно, приурочено изготовление летописца, который мог в переговорах с патриархом понадобиться как документ.

А так как поездка Дионисия состоялась не в тот момент, а два года спустя, когда спешно изготовленный список мог быть и перебелен, и дополнен, то наша Лаврентьевская и осталась дома. Чем, однако, кончился связанный с нею церковно-политический план этого смелого печерянина?

Роль Москвы могла быть неясна современникам лишь до 1380 г. Год Куликовской победы многое прояснил. Вернувшись из своей дипломатической поездки через два года после битвы, Дионисий должен был сразу же оценить то, что в его отсутствие произошло. Этим, очевидно, и объясняется явный перелом в его политической ориентации начиная с 1383 г.: он опять едет в Константинополь, но не по делам уже суздальской архиепископии, а «о управлении митрополии русская», и в сопровождении Федора, игумена Симоновского монастыря в Москве. На этот раз поставленный в митрополиты сам, Дионисий на обратном пути в Киеве попадает в плен к Владимиру Ольгердовичу и умирает в 1384 г. в «нятии», по словам летописи, т. е. в заключении, пережив только на год Дмитрия Константиновича Суздальского. Созданное им архиепископство заглохло само собой, по мере политического распада Суздальско-Нижегородского княжества. В тот же год, когда одного из сопротивлявшихся еще суздальских князей «отчичей» московские воеводы ловили по «татарским местам» и делям, в Суздале случайно найдены были замурованные в стене вывезенные некогда Дионисием в 1382 г. из Цареграда «страсти господни» — серебряный кивот с изображениями нескольких праздников и надписью, кое в чем напоминающей заключительную приписку Лаврентия. «Боже-ственные страсти, — говорится в надписи, — пренесены изо Царяграда смиренным архиепископом Дионисъем в святую архиепископью в Суздаль, в Новгород, в Городец. . . при святем патриарсе Ниле, при великом князи Дмитрии Константиновиче». Тот же, что у Лаврентия, перечень городов в титуле Дионисия, то же наименование князя Дмитрия Константиновича просто «великим», без указания на Суздальско-Нижегородское княжество. находку с торжеством как трофей перенесли в Москву.⁵¹ Сходная участь ожидала «Летописец» Лаврентия: тоже предназначенный по замыслу своих составителей оспаривать у Москвы ее первенство, он послужил, однако, едва ли не для укрепления собственной московской

⁵¹ См. Симеоновскую под 6909 г., о надписи см.: А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1936, с. 81—82.

летописной традиции: по крайней мере москвичи быстро переняли, что в нем было нового в чисто литературном отношении. Подобно агиографической переработке статьи 1239 г. суздальцем Лаврентием, свои агиографические к ней дополнения, из Жития своего московского княжеского патрона — Александра Невского, делает и составитель Московского свода 1390 г. В виде своеобразного сборника собственных княжеских житий начинает тогда же строить свое летописание и Тверь. Смоленский летописец Авраамка подражает Лаврентию в послесловии. Наконец, Лаврентьевская вся целиком привлекается как источник составителями больших общерусских сводов Фотия и его продолжателей.

О т р е д а к ц и и

Публикуемое исследование погибшего во время блокады Ленинграда талантливого исследователя В. Л. Комаровича (1894—1942 гг.)¹ представляет собой извлечение из его неизданной монографии «Русское областное летописание XI—XV вв. и связанные с ним памятники письменности и фольклора».² Мы публикуем здесь последнюю (восьмую) главу монографии, имеющую в рукописи заголовок: «Сузд.-Нижег. своды арх. Дионисия и Китежская легенда» (хотя в сохранившемся тексте о Китежской легенде не упоминается). Краткие выдержки из этой работы использовались в качестве одного из разделов академической «Истории русской литературы»,³ однако выдержки эти носили обзорный характер и лишь в небольшой степени сопровождались текстологической аргументацией.

Печатая здесь исследование В. Л. Комаровича о происхождении рассказа Лаврентьевской летописи 1237—1239 гг. в более полном виде, мы должны отметить, что, к сожалению, текстологическое построение исследователя вызывает серьезные возражения.

Построение В. Л. Комаровича основывалось прежде всего на установленном в науке положении: дошедшая до нас в рукописи 1377 г. Лаврентьевская летопись представляет собой летописный свод, доведенный до 1305 г.; тот же летописный свод 1305 г. лежал в основе Троицкой летописи начала XV в. (свода 1409 г.). Сравнение текста Троицкой летописи с текстом Лаврентьевской обнаруживало, по мнению В. Л. Комаровича, что часть рассказа Лаврентьевской за 1237—1239 гг. в Троицкой отсутствовала. Отсюда и вытекал вполне закономерный вывод исследователя: этих разделов рассказа не было и в своде 1305 г., они вставлены в летопись Лаврентием в 1377 г.

Но Троицкая летопись, как известно, не дошла до нас — она погибла в 1812 г. Восстанавливая текст рассказа, В. Л. Комарович основывался не на Симеоновской летописи, передававшей на большом протяжении текст Троицкой, а на Воскресенской летописи XVI в. Объясняется это тем, что Симеоновская летопись именно в известиях 1235—1237 и 1239—1249 гг. опиралась (как это было установлено еще А. А. Шахматовым) не на текст Троицкой, а на более позднее летописание. Что же касается Воскресенской летописи, то она в значительной степени отражала Московский свод конца XV в., а этот последний использовал в качестве одного из источников свод 1409 г. (Троицкую летопись).

Однако Троицкая летопись была лишь вспомогательным источником Московского свода конца XV в.; основным его источником был более поздний свод 1448 г. (Софийская I и Новгородская IV летописи). Подробно разобрав рассказ 1237—1239 гг. в своде 1448 г., А. Н. Насонов показал, что этот рассказ представляет собой сложное соединение рассказов трех источников — Лаврентьевской, NI и Ипатьевской летописей с добавлением моралистических рассуждений сводчика.⁴ Такое построение рассказа о кашевице Батия было очень характерно для свода 1448 г., — ряд других летописных повестей в нем также строился как своеобразный «монтаж» из тех же трех источников — Лаврентьевской (Троицкой), NI и южной (близкой к Ипатьевской) летописей.⁵ Что касается рассказа Московского свода и Воскресенской летописи, то они почти полностью передавали сложный рассказ свода 1448 г., ограничиваясь лишь незначительными

¹ См. о нем: Т. А. Крюкова. Хронологический список трудов Василия Леонидовича Комаровича. — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, с. 583—588.

² Архив ИРЛИ, р. I, оп. 12, № 388.

³ См.: История русской литературы, т. II. Литература 1220-х—1580-х гг. Часть первая. М.—Л., 1945, гл. «Лаврентьевская летопись», с. 88—96.

⁴ А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969, с. 180—187.

⁵ Ср.: Я. С. Лурье. Общерусский свод-протограф Софийской I и Новгородской IV летописи. — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974, с. 114—139.

изменениями и исключением слишком длинных библейских цитат. Такого рода редактур, статьи, тоже весьма характерна для Московского свода в целом.⁶

Зависимость Воскресенской летописи (Московского свода) от свода 1448 г. была отмечена и В. Д. Комаровичем, но он считал, что Московский свод заимствовал из свода 1448 г. лишь вторую часть рассказа о Батыевом нашествии, после слов «Князь великий Юрьи посла Дорожа в просоки» (см. выше, с. 33), а первую часть взял из Троицкой. Однако обосновывается этот вывод тем, что годовая дата 6746 (1238) читается в Воскресенской летописи дважды: и в начале рассказа о нашествии, и в середине (перед словами «Князь великий Юрьи посла Дорожа»). «Следование тут двум источникам не подлежит . . . сомнению», — заключал Комарович. Но явно ошибочное удвоение даты 6746 г. свойственно только Воскресенской летописи; обратившись к Московскому своду конца XV в. (и по Уваровскому, и по Эрмитажному спискам), мы обнаруживаем, что в начале рассказа о Батые никакой даты нет (рассказ идет, как и в других летописях, под поставленным выше 6745 г.); дата 6746 г. помещена здесь, как и в большинстве летописей, лишь перед словами «Князь великий Юрьи». Самый же рассказ о начале татарского нашествия, так же как рассказ 6746 г., совпадает в Московском своде (и в Воскресенской летописи) с рассказом свода 1448 г. и отражает те же, упомянутые выше, источники. Известия, которых не было в Лаврентьевской и которые В. Л. Комарович возводил к Троицкой, восходят здесь к НИЛ: из нее заимствованы подробности взятия Рязани, упоминание об убийстве «княгини и мужей» владимирских, о пострижении князей перед окончательным падением Владимира, упоминание о гибели князей в «палате» (в СИЛ и Московском своде ошибочное «в полатах») и т. д. (см. выше, с. 33—34).

Пытаясь восстановить рассказ о Батые в Троицкой по позднему и сложному рассказу Воскресенской летописи, В. Л. Комарович не использовал рассказа Симеоновской, связь которой с Троицкой летописью несомненна. А между тем, если рассказ за 6745 г. взят в Симеоновской из более позднего источника — Московского свода конца XV в. (того самого, кстати, по которому В. Л. Комарович пытался восстановить Троицкую!), то известия 6746 и 6747 гг. не сходны с известиями Московского свода и могут быть с полным основанием возведены к основному источнику Симеоновской — Троицкой летописи (лишь после этих известий, под вторичной датой 6747 г., здесь следует новое заимствование из Московского свода). И именно среди этих известий читается текст, который В. Л. Комарович считал отсутствовавшим в Троицкой (и, следовательно, в своде 1305 г.) дополнением, внесенным Лаврентием, — похвала («некролог») князю Юрию Всеволодовичу. В. Л. Комарович отметил это обстоятельство, но высказал предположение, что Симеоновская заимствовала «этот отрывок, вернее всего, из той же Лаврентьевской». Но для такого предположения нет оснований: никаких признаков непосредственного обращения Симеоновской летописи к Лаврентьевской (помимо Троицкой) неизвестно; в Московском же своде, по которому Симеоновская дополняла Троицкую, «похвалы» Юрию как раз нет.

Какой же рассказ о событиях 1237—1239 гг. читался в Троицкой летописи? Реконструкция М. Д. Приселкова и новые материалы, которыми мы теперь располагаем, позволяют утверждать, что текст ее за эти годы, как и в большей части, совпадал с Лаврентьевской летописью (восходя к своду 1305 г.). Н. М. Карамзин не причислял Троицкую к «современным» нашествию источникам, поскольку она относилась к XV в. и была моложе НИЛ, Ипатьевской и Лаврентьевской, но он использовал ее и в одном случае прямо засвидетельствовал ее идентичность «Пушкинской» (Лаврентьевской). Это засвидетельство (т. III, прим. 363) было известно В. Л. Комаровичу, но он отводил его, ссылаясь на «не невозможную у Карамзина неточность» (с. 33). Но у нас нет оснований сомневаться в точности этого показания Карамзина, ибо, как установил М. Д. Приселков, и ряд других цитат Н. М. Карамзина о событиях 1237—1239 гг., расходясь по индивидуальным чтением с Лаврентьевской, может быть возведен только к Троицкой.⁷ Наконец, идентичность рассказа 1237—1239 гг. в Троицкой и Лаврентьевской доказывается недавно найденным и опубликованным памятником — Владимирским летописцем, восходящим (с добавлением единичных известий) к Троицкой летописи; а между тем текст рассказа 1237—1239 гг. совпадает в нем, при небольших сокращениях, с рассказом Лаврентьевской.⁸

Итак, исходная текстологическая посылка В. Л. Комаровича — о различиях в рассказе о татарском нашествии в Троицкой (и своде 1305 г.) и Лаврентьевской летописях и, следовательно, о роли Лаврентия в творческой переработке этого рассказа —

⁶ Ср. А. Н. Насонов. История. . ., с. 293—295.

⁷ М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, с. 314, прим. 2 и 3, с. 315, прим. 4, с. 316, прим. 2, с. 317, прим. 2, с. 318, прим. 1, с. 321, прим. 1.

⁸ ПСРЛ, т. XXX. М., 1965. Ср.: Я. С. Лурье. Лаврентьевская летопись — свод начала XIV в. — ТОДРЛ, т. XXIX. Л., 1974, с. 50—68.

представляется сомнительной. Однако это обстоятельство не обесценивает публикуемой работы: целый ряд отдельных наблюдений В. Л. Комаровича представляется весьма интересным и должен быть введен в науку. Так, убедительно и важно предположение исследователя о рязанском происхождении (и принадлежности очевидцу) начальной части рассказа Лаврентьевской о Батыевом нашествии (более полно сохранившейся в НЛ и связанных с нею летописях), о «политической инвективе» против князей, восходящей к рязанскому летописанию, о «мозаичном» характере «похвалы» Юрию, составленной из «общих мест», взятых из других летописных рассказов, и т. д. Интересны и данные об истории Суздальско-Нижегородского княжества (хотя эти данные и не могут быть, на наш взгляд, связаны с «творческой работой» Лаврентия в 1377 г.). Все эти достоинства и побуждают нас опубликовать исследование В. Л. Комаровича.